
Черные полосы
Инна Мис

Инна Мис

Чёрные полосы

«Автор»
2026

Мис И.

Чёрные полосы / И. Мис — «Автор», 2026

Аня, юная журналистка, едва не спровоцировавшая аварию на мотоплощадке, неожиданно добивается от сурового стантрайдера Глеба согласия на интервью — он идёт на это не из симпатии, а чтобы прикрыться «работой» в споре с требовательным отцом, но постепенно видит в Ане человека, способного честно рассказать о его непростом спорте; на фоне рева моторов и жёстких правил трека между ними зарождается хрупкое доверие — не как спасение от проблем, а как тихая опора, помогающая обоим держаться на ногах.

© Мис И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Чёрные полосы 5
Глава 1 Желтая линия 5
Глава 2 Цена руля 10
Глава 3 История, написанная царапинами 17
Глава 4 Тени прошлого 25
Глава 5 Чужая взрослая 30
Глава 6 Тот, кто не сдаётся 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Инна Мис
Чёрные полосы

Чёрные полосы

Глава 1 Желтая линия

Тропа ползла по пологому склону, и с каждым шагом гул моторов становился громче, будто площадка втягивала в себя весь воздух. Юля шла впереди, легко перепрыгивая через мелкие камни, её русые волосы развевались, как знамя, а серые глаза блестели от предвкушения. Она то и дело оборачивалась, проверяя, не отстала ли я, и каждый раз улыбалась так, будто знала какой-то секрет, которым вот-вот поделится.

— Ну давай быстрее, Аня! — крикнула она, не сбавляя шага. — Тут спуск, зато сразу выйдем прямо к площадке. Не придётся обходить через ворота, где вечно стоит охрана и спрашивает «а вы кто?».

Я осторожно ступала по неровной земле, прижимая к груди блокнот и стараясь не поскользнуться. В голове всё ещё крутились фразы из сообщения наставника: «Добавь деталей, но не воды», «Покажи характер героя», «Не просто „он крут“, а „почему мы в это верим“». Как будто можно было просто взять и включить эту самую веру по щелчку.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — выдохнула я, пытаясь не отставать. — Может, лучше через главный вход? Официально?

Юля фыркнула, будто я предложила пойти на вечеринку в пижаме.

— Официально тут ничего не бывает. Тут всё по знакомству. Зато смотри: мы сейчас выйдем сбоку, никто нас не заметит, и сразу к делу. Дима уже в кафе у площадки. Он механик Глеба, они с детства дружат. Дима всё знает: где Глеб тренируется, когда у него окно между заездами, что его лучше не дёргать, а когда можно подойти. — Она хитро прищурилась, и веснушки на её носу будто подпрыгнули от улыбки. — И вообще… он на меня запал. Точно не откажет. Проведёт нас прямо к чемпиону, ещё и расскажет по дороге, какой Глеб на самом деле, без этого пафоса для камер.

Я невольно улыбнулась, хотя внутри всё сжималось от волнения.

— Ты всегда так… находишь подход.

— Потому что не боюсь просить, — пожала плечами Юля. — А если откажет — я всё равно найду способ. Упрямство — моё второе имя.

Мы спустились вниз, и площадка открылась передо мной не как место из репортажа, а как живой, шумный, пахнущий бензином и пылью мир.

— Ну всё! Я найду Диму, а ты стой тут! — сообщила Юля уже шагая к кафе с надписью «Shelby» над входом.

— Только не долго! — крикнула я ей вслед.

— Пять минут. Максимум! — бросила Юля через плечо и скрылась за стеклянной дверью.

Я огляделась по сторонам. Асфальт был исчерчен чёрными полосами, будто шрамами от каждого падения. Ветер гулял между ограждениями, поднимая мелкую пыль, и она висела в воздухе, переливаясь в последних лучах заката.

А потом я увидела его.

Парень на зелёном мотоцикле — не просто зелёном, а светящемся в сумерках, будто впитавшем в себя остатки дневного света. Он делал связку трюков: короткий разгон, лёгкий

занос, балансировка, снова разгон. Мотоцикл под ним жил, двигался, дышал — и в каждом его движении чувствовалась не бравада, а расчёт, жёсткая, выверенная точность.

У меня вдруг перехватило дыхание не от страха, а от того, как это было красиво: не гламурная картинка, а настоящая работа тела, мотора и асфальта. Я потянулась к телефону, чтобы записать хоть что-то — не вопросы, не план, а просто впечатления, пока они не рассыпались: «Зелёный мотоцикл светится в сумерках. Не яркий, а будто изнутри. Тень от колеса ложится на асфальт, как чёрная дуга. Слышно не только мотор, а ещё и щелчок передачи — короткий, сухой звук, как щелчок пальцев».

Экран телефона вспыхнул — новое сообщение от наставника. Я скользнула взглядом по строчкам: «Аня, добавь эмоций, но не выдумывай. Пусть читатель почувствует, что ты там была. И не затягивай — нам нужен черновик до вечера».

«Ещё минуту, — подумала я. — Только допишу эту фразу про тень, и всё. Уберу телефон. Буду смотреть».

Я шагнула чуть вперёд, туда, где асфальт казался ровнее, где лучше ловился сигнал, где тень от ограждения не мешала экрану. И в этот момент мир перестал быть понятным и аккуратным. Он стал громким, быстрым и опасным.

Рев мотора ударил по ушам раньше, чем я успела поднять голову. Тот самый зелёный мотоцикл, который ещё секунду назад казался красивым и далёким, теперь летел прямо на меня. Его фары вспыхнули, как два белых прожектора, выжигая всё остальное: площадку, людей, асфальт — всё, кроме этой слепящей, нарастающей скорости.

Реакция парня сработала раньше мысли: он рванул руль в сторону, уходя от столкновения, и плечом врезался в приятеля, что ехал рядом. Дальше всё пошло наперекосяк, как будто кто-то резко дёрнул стоп-кран, но инерция всё равно тащила вперёд.

У приятеля сорвалось заднее колесо, его повело в сторону. А первый пытался удержать свой байк, но физика уже решала за него. Мотоцикл завалился, лёг на бок и продолжал скользить вперёд — прямо туда, где только что стояла я. Фары метались по асфальту, выхватывая куски реальности: чёрную полосу, край ограждения, мои кроссовки.

Они упали оба. Зелёный байк проскользил ещё несколько метров, визжа пластиком и металлом, и замер в считаных сантиметрах от меня, будто кто-то в последний момент дёрнул невидимый тормоз.

Я не успела даже закричать. Просто присела, подтянув колени к груди, и закрыла голову руками. Мир сжался до скрежета, до запаха горячего металла, до тяжёлого, густого воздуха, который теперь казался пыльным и горьким.

***

Глеб поднялся тяжело, будто асфальт тянул его вниз, не хотел отпускать. Плечо горело, колено саднило сквозь мотоштаны, но злость была горячее боли. Он сорвал шлем, швырнул его на асфальт — и шагнул к Ане, и в этом шаге было столько ярости, что она инстинктивно вжалась в себя, будто хотела стать меньше, незаметнее.

— Ты вообще видишь, где стоишь?! — его голос был низким, жёстким, с этой хрипотцой, которая появляется, когда адреналин бьёт по горлу. — Тут не тротуар! Ты жёлтую линию не видишь? Тут люди тренируются, тут скорость, тут… — он махнул рукой в сторону мотоциклов, будто слова закончились, а гнев — нет. — Тут убивают себя по делу, а не потому что кто-то уткнулся в телефон!

Аня опустила руки, но не встала. Смотрела на него снизу вверх, и в глазах стоял не только испуг — там была злость на саму себя. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

И вдруг, почти не думая, выпалила:

— Я… я из школьной газеты. Хочу взять интервью. Про стантрайдинг…

Фраза повисла в воздухе, нелепая и смешная на фоне скрежета металла, запаха гари и его разъярённого лица. Аня ещё даже не поняла, что перед ней тот самый Глеб — чемпион, про

которого Юля шептала: «Он жёсткий, но честный. Если согласится — будет по-настоящему». Для неё он был просто парнем на зелёном мотоцикле, который чуть не сбил её, потому что она стояла не там.

Глеб прищурился, будто пытался разглядеть в ней не испуганную девчонку, а причину, по которой только что чуть не сломал себе сезон.

— Интервью? — повторил он, и в голосе было столько скепсиса, что Ане захотелось провалиться сквозь асфальт. — Ты чуть не устроила тут аварию, а теперь «интервью»?

Из кафе выскочили Юля и Дима. Юля бежала, как ураган: русые волосы разметались, серые глаза были огромными от испуга, веснушки на побледневшем лице будто поблекли от тревоги. Она врезалась в Аню, вцепилась в плечи, прижала к себе, будто хотела убедиться, что кости целы, что Аня настоящая, что с ней всё в порядке.

Дима шёл следом, спокойный и собранный — человек, который привык видеть последствия скорости и сразу оценивать, что сломано, а что можно починить. Он скользнул взглядом по байкам, по царапинам на асфальте, по шлему Глеба, валяющемуся рядом.

— Все целы? — коротко спросил он, и все поняли: это главное.

Марк, уже поднявшийся, махнул рукой:

— Пара ссадин. Байки живы. Почти.

Дима кивнул, подошёл к мотоциклу Глеба, присел на корточки, провёл пальцами по пластику.

— Вилка в норме. Но пластик под замену.

Глеб выдохнул.

Юля наконец отпустила Аню, но держала за плечи, будто боялась, что та упадёт.

— Аня, ты как? Ты вообще понимаешь, что сейчас чуть…

Аня сглотнула, голос дрожал, но она заставила его звучать ровно:

— Понимаю. Это моя вина. Я смотрела в телефон.

Дима вдруг хмыкнул, и в этом звуке было столько привычной мужской иронии, что напряжение чуть ослабло. Он перевёл взгляд с Ани на Глеба и шутливо развёл руками:

— Ну вот, а я-то думал, надо вас знакомить. А вы уже сами справились… теперь можно и об интервью договориться.

Юля тут же подхватила, будто вцепилась в соломинку, которая могла всё исправить:

— Да! Аня пишет про спорт, про настоящих спортсменов. И она правда старается. Она хочет показать, сколько труда за каждым трюком.

Глеб медленно перевёл взгляд на Аню. В его зелёных глазах, тёмных, как старая хвоя, уже не было чистой ярости — в них появилась колючая внимательность. Он смотрел на неё так, будто пытался увидеть, есть ли за этой неловкой фразой про интервью хоть что-то настоящее.

— Мне не нужны статьи, чтобы доказывать, что я работаю, — отрезал он.

Аня шагнула вперёд — не к нему, а просто чтобы перестать прятаться за Юлей.

— Я не хочу ничего доказывать за вас. Я хочу показать, как это выглядит изнутри. Я обещаю, что больше не буду стоять на траектории. И не буду отвлекаться.

Глеб хмыкнул, будто хотел сказать что-то резкое, но вместо этого лишь качнул головой. Он поднял шлем, стёр с визора тёмную полосу пыли и медленно надел его — жест, который ясно давал понять: разговор окончен, он уезжает.

Аня почувствовала, как внутри всё сжалось — не от страха, а от досады. Она знала: если сейчас он уедет, второго шанса не будет. И виновата в этом только она сама: стояла не там, смотрела в телефон, думала не о том.

— Подождите! — вырвалось у неё. Юля тут же сжала её локоть, словно хотела удержать от очередной ошибки. Но Аня уже шагнула вперёд — не к Глебу, а к его мотоциклу, будто так было проще говорить. — Я не буду писать про вас как про звезду. Я хочу про стантрайдинг.

Про то, как вы учитесь, как падаете и снова встаёте. Про то, сколько раз нужно сделать одно и то же, чтобы получилось хоть на секунду.

Глеб замер, не до конца опустив руку с ключом от зажигания. На мгновение его пальцы застыли на корпусе байка, и в этом движении проскользнуло что-то почти уязвимое — словно она случайно коснулась темы, которую он не любил обсуждать.

Дима тихо хмыкнул и отошёл чуть в сторону, давая им пространство. Юля затаила дыхание. Марк, до этого молча наблюдавший за всем, чуть приподнял бровь — будто впервые разглядел в этой девчонке не просто неловкость, а упорство.

Глеб медленно снял шлем, положил его на сиденье и посмотрел на Аню прямо — без прищура, без злости, но с той усталой внимательностью человека, которому слишком часто приходилось объяснять очевидное.

— Ты хоть знаешь, что такое стантрайдинг? — спросил он не грубо, а словно проверяя. — Это не красивые кадры, не эффектные трюки на камеру. Это боль, страх, риск сломать себе что-то всерьёз. Каждый раз ты выходишь на площадку и знаешь: одно неверное движение — и ты не просто упадёшь, а можешь закончить карьеру. Это не романтика, слышишь?

Аня не отвела взгляд.

— Слышу, — твёрдо сказала она. — Я не хочу писать про «красиво». Я хочу про это.

В воздухе повисла тишина, нарушаемая только далёким шумом города и тихим потрескиванием остывающего металла. Глеб чуть наклонил голову, будто взвешивал её слова, пытаясь понять, звучат ли они искренне или это просто красивые фразы, чтобы его уговорить.

Он провёл ладонью по топливному баку, словно проверяя, на месте ли всё, а потом медленно покачал головой.

— Нет, — коротко бросил он. — Не буду давать интервью.

Аня будто споткнулась об это короткое слово.

— Но почему? — вырвалось у неё.

Глеб посмотрел на неё так, будто пытался донести самое главное:

— Потому что я не верю, что ты по-настоящему понимаешь, о чём говоришь. Для тебя это пока просто история, которую хочется рассказать. Ты видишь в этом драму, может, даже вдохновение. А для меня это работа. Тяжёлая, опасная, изматывающая. И я не хочу, чтобы кто-то делал из этого красивую картинку, не зная, какой ценой она даётся.

Юля хотела было снова что-то сказать, вставить слово в защиту подруги, но Дима едва заметно качнул головой — мол, сейчас лучше не давить.

Аня сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. Она хотела возразить, доказать, что понимает, но в его словах была такая твёрдая, выстраданная правда, что любые оправдания казались пустыми.

— Я могу просто посмотреть, — тихо сказала она, почти шёпотом, но достаточно громко, чтобы он услышал. — Без интервью. Просто постою в стороне, посмотрю, как всё устроено. Если разрешите.

Глеб снова надел шлем, на этот раз окончательно. Завёл мотоцикл, и мотор взревел, перекрывая все слова. Он посмотрел на неё сквозь визор — не зло, не равнодушно, а как человек, который слишком хорошо знает, сколько иллюзий разбивается о реальность.

— Не надо, — бросил он, прежде чем тронуться с места. — Лучше держись подальше от трассы.

И, не оглядываясь, выехал с площадки, оставив после себя только запах гари, гул в ушах и горькое чувство, что она всё испортила. Юля обняла Аню, прижала к себе, а Дима спокойно произнёс:

— Он не со зла. Просто для него это слишком личное.

Марк хмыкнул:

— Если хочешь понять стантрайдинг — начни с того, чтобы научиться видеть трассу. Не через экран телефона, а своими глазами.

Аня кивнула, глядя туда, где только что был зелёный мотоцикл Глеба. Она не сдалась — просто поняла, что путь к его истории будет длиннее, чем она думала.

Глава 2 Цена руля

Глеб въехал во двор так тихо, будто надеялся, что дом его не заметит. Ворота закрылись с мягким, почти виноватым щелчком, и на секунду показалось — вот оно, укрытие: тишина, полумрак прихожей, лестница наверх, кровать. Он стянул куртку, бросил её на перила — пусть потом ворчит домработница, сегодня ему было всё равно. Плечо ныло после падения, колено горело сквозь ткань, а в голове гудело от рёва мотора и от того, как близко сегодня прошла грань между «успел» и «не успел».

Он поднялся по лестнице, не включая свет, и рухнул на кровать, даже не откинув одеяло. Глаза закрылись сами, и в этой темноте наконец-то стало тихо. Хоть на минуту. Хоть на пять.

Но тишина не задержалась.

Из гостиной донёсся первый аккорд — классика, тягучая, нарочито «возвышенная», которую Глеб терпеть не мог. Она вползала в комнату, как холодный сквозняк, и каждый звук казался ему упрёком: «Ты не там, где должен быть. Ты не делаешь того, что важно».

Глеб стиснул зубы, перевернулся на бок, накрыл голову подушкой. Но музыка только прибавила громкости, будто кто-то специально проверял, сколько ещё можно терпеть.

Через минуту дверь распахнулась без стука. В проёме стоял Арсений — в идеально отутюженных брюках, в рубашке с закатанными рукавами, будто он не дома, а на съёмках рекламы успешного человека. Светлые волосы уложены так, чтобы выглядеть небрежно, но Глеб знал: на эту небрежность ушло не меньше десяти минут. В серо-зелёных глазах — привычная смесь уверенности и лёгкой насмешки, будто он уже выиграл спор, просто потому что вошёл первым.

— Ты спишь? — спросил Арсений, хотя прекрасно видел, что нет. — Или опять делаешь вид, что тебя не существует, пока мир ждёт, что ты возьмёшь его за горло?

Глеб медленно сел, опустил ноги на пол. В комнате вдруг стало тесно от этого безупречного вида брата, от запаха его парфюма, от самой его правоты, которую он носил, как броню.

— Сделай тише, — глухо сказал Глеб. — Или я спущусь и сломаю проигрыватель.

Арсений не двинулся. Только чуть наклонил голову, как будто изучал редкого зверя в зоопарке.

— Отец хочет видеть тебя завтра. В офисе. Говорит, пора наконец определиться: ты либо в деле, либо… — он сделал паузу, давая фразе повисеть в воздухе, — либо честно скажешь, что тебе это неинтересно.

Глеб усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— «Честно скажу»? Да он и слушать не будет. Для него «неинтересно» — это предательство.

Арсений прошёл внутрь, сел на край кресла у окна, закинул ногу на ногу. Его движения были выверенными, как у человека, который знает: на него смотрят. Даже если смотреть некому.

— Он доверяет тебе, Глеб. Больше, чем мне. Ты же знаешь. Для него ты — наследник. Даже если ты каждый день доказываешь, что тебе плевать на это звание.

Глеб резко встал, подошёл к окну. За стеклом сад уже тонул в вечерней темноте, фонари горели жёлтыми кругами, и всё это выглядело до нелепого «картинно» — как в рекламе счастливой семьи, где никто не кричит, не злится и не хочет просто заниматься тем, что любит.

— Я не хочу быть наследником, — сказал он, глядя не на брата, а в темноту. — Я хочу тренироваться. Хочу готовиться к сезону. Хочу, чтобы мне не приходилось каждый раз оправдываться за то, что я живу не по его плану.

Арсений чуть наклонился вперёд, и в его голосе вдруг пропала насмешка — осталась только усталость, почти такая же, как у Глеба.

— А я хочу, чтобы он наконец увидел, что я могу. Что я не просто «младший», не просто тот, кто подаёт кофе на встречах и улыбается клиентам. Я разбираюсь в цифрах. Я чувствую рынок. Но он всё равно смотрит на тебя. Даже когда ты приходишь в офис в мотокуртке и пахнешь бензином.

Глеб повернулся к нему. В этот момент он вдруг увидел не пафосного, вечно правильного брата, а человека, который тоже устал — только по-своему.

— И что ты хочешь от меня? Чтобы я пошёл к нему и сказал: «Папа, Арсений лучше, отдай всё ему»?

Арсений помолчал. В гостиной музыка наконец сменилась на что-то менее пронзительное, и эта перемена прозвучала как пауза в разговоре.

— Я хочу, чтобы ты просто поговорил с ним. Объяснил, что спорт для тебя не игрушка. Что это твоя работа. Твоя жизнь. Пусть он услышит это от тебя, а не от меня. Или… хотя бы попробуй. Пусть отец увидит, что у тебя и правда не выходит считать цифры. А потом… потом пусть он даст шанс и мне. Не из жалости. Не потому что ты отказался. А потому что я доказал, что справляюсь.

Глеб провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть с себя этот день.

— Ты знаешь, сколько стоит мой сезон? — тихо спросил он. — Не только деньги. Время. Риски. Если я сейчас скажу «да» отцу, если начну сидеть в офисе, я всё потеряю. И не потому что слабый. А потому что нельзя быть чемпионом наполовину. Нельзя тренироваться «между встречами».

Арсений встал, подошёл ближе, но не пересёк невидимую границу, которая всегда была между ними.

— Тогда скажи ему это. Прямо. Без крика. Без уходов. Скажи: «Это моё. Это важно. И я не брошу». Пусть он поймёт, что это не каприз. А я… я буду рядом. Буду делать свою часть. Пусть увидит, что мы оба можем быть полезны.

Глеб посмотрел на брата и вдруг понял, что впервые за долгое время Арсений не пытается его подставить. Не ищет лазейку, чтобы обойти. Он просто хочет, чтобы его заметили.

— Ладно, — выдохнул Глеб. — Я поговорю с ним. Но не ради тебя. А чтобы он наконец понял: я не отказываюсь от ответственности. Я просто несу её в другом месте.

Арсений кивнул, будто принял эти условия.

— Спасибо, — просто сказал он. И в этом «спасибо» не было пафоса. Только облегчение.

Музыка внизу наконец стихла. Дом будто выдохнул, и тишина стала настоящей, а не натянутой. Арсений направился к двери, но на пороге обернулся.

— И, Глеб… если вдруг понадобится какая-то поддержка. Документы, цифры, аргументы… я всё соберу. Чтобы ты не шёл туда безоружным.

Когда дверь закрылась, Глеб снова опустился на кровать. Усталость навалилась с новой силой, но теперь к ней примешивалось что-то ещё — не надежда, нет. Скорее, решимость. Завтра будет тяжёлый разговор. Но впервые он чувствовал, что идёт на него не один.

***

Площадка пахла горячим асфальтом и резиной. Глеб снял шлем, провёл ладонью по волосам и бросил взгляд на часы: ещё два подхода, и можно будет ехать к отцу на «разговор», от которого заранее тянуло свинцом. Он не хотел об этом думать. Сейчас ему нужен был только баланс, газ и тишина в голове.

Он снова сел на мотоцикл, проверил сцепление — лёгкий ход, без люфта, вилка держит ровно. Сегодня мотоцикл его слушал, и это было почти как маленькое чудо. Глеб выдохнул, прикрыл глаза на секунду, будто выталкивая из головы голос отца: «Ты хоть понимаешь, сколько людей на тебя рассчитывают?»

И тут он услышал чужой смех — не тот привычный, усталый, свойский, какой бывает среди своих. Этот был звонкий, чуть нервный, будто девушка пыталась скрыть, что ей страшно, но не хотела показывать слабость.

Глеб открыл глаза. Рядом, у ограждения, стояли две девушки. Одна — высокая, в яркой куртке — что-то быстро говорила, размахивая руками. Вторая, пониже, в простой толстовке и с блокнотом в руках, смотрела на площадку так, будто пыталась запомнить каждую деталь, но боялась, что всё исчезнет, если моргнёт.

Подруга подтолкнула её вперёд:

— Ну давай, ты же хотела интервью! Иди, пока он не уехал.

Аня сделала шаг, потом ещё один, остановилась у самого края, сжала блокнот, будто он мог её защитить.

Глеб заглушил мотор, слез с байка, не спеша подошёл.

— Чего надо? — сказал он не грубо, но и не ласково. Просто устал от людей, которые приходят «посмотреть на трюки», а потом пишут в соцсетях: «Сумасшедшие, зачем это вообще?» — Снова пришла попадать под колёса? Ничему жизнь не учит?

Аня подняла на него глаза. В них не было ни восторга, ни страха, ни желания понравиться. В них было любопытство.

— Мне очень нужно это интервью. Для школьной газеты.

Она запнулась, будто сама удивилась, что сказала это вслух.

Глеб хмыкнул:

— Школьной? А тебе сколько лет?

— Восемнадцать. Почти. — Аня выдохнула и вдруг выпалила: — Прости, я знаю, это звучит глупо. Но мне правда интересно. Не «зачем вы рискуете», а как вы это делаете. Как удерживаете баланс.

Глеб замер. Обычно все спрашивали про риск. Про адреналин. Про «а если упадёшь». Никто не спрашивал про баланс.

Он посмотрел на свой мотоцикл, потом снова на Аню.

— Баланс — это не только мотоцикл. Это значит не думать ни о чём, кроме этой секунды. Чтобы не слышать, как кто-то там считает твои ошибки.

Аня кивнула, быстро записала что-то в блокнот. Не цитату, а, кажется, свои мысли.

— А если думать не получается? Если в голове всё равно крутится что-то другое?

Глеб усмехнулся, но в этот раз без злости.

— Тогда падаешь. Или делаешь вилли так, что все думают — это трюк, а на самом деле ты просто не успел выровняться.

— Вилли? — переспросила Аня.

— Езда на заднем колесе. Требует идеального контроля газа и тормоза. Чуть переборщишь — и полетишь через руль.

Аня снова кивнула, будто складывала кусочки в картинку.

— То есть ты всё время балансируешь? Даже когда кажется, что летишь?

Глеб посмотрел на неё внимательнее. В этой девушке не было фальши. Она не пыталась казаться крутой. Она просто хотела понять.

— Слушай, — он снял перчатки, положил их на сиденье мотоцикла. — Если хочешь про баланс, смотри не на трюки. Смотри на то, что перед ними. На то, как мы проверяем байки, как чувствуем покрытие, как ждём, когда ветер перестанет швырять пыль по площадке. Это и есть спорт. Остальное — для видео в телефоне.

Аня улыбнулась — тихо, будто боялась спугнуть момент.

— Тогда можно я посижу тут, пока ты тренируешься? Я не буду мешать. Просто… хочу увидеть, как это выглядит изнутри.

Глеб хотел сказать «нет». У него не было времени на разговоры. У него был отец, который ждал ответа. Был сезон, который нужно было выиграть. Был друг, который до сих пор не мог нормально ходить после той аварии.

Но он не сказал «нет».

— Ладно, — буркнул он. — Только не стой у линии разгона. И если я скажу «назад» — сразу назад, без вопросов.

Аня кивнула, отошла на пару шагов, села на бетонный блок, достала ручку, что-то быстро черкнула. Потом подняла голову, посмотрела на площадку, на мотоцикл, на Глеба — и вдруг сказала:

— Знаешь, я раньше думала, что спорт — это для победы. А оказывается, для веры в себя.

Глеб замер на секунду. И в этой тишине, среди гула моторов и криков ребят, он вдруг почувствовал, что кто-то его услышал. По-настоящему.

Он натянул перчатки, сел на байк, завёл мотор. И, прежде чем дать газ, бросил короткий взгляд на Аню:

— Смотри. Сейчас будет вилли. Но это не для красоты.

Мотоцикл рванул вперёд, переднее колесо поднялось, асфальт остался внизу, ветер ударил в грудь, и на одну секунду весь мир сжался до линии горизонта, вибрации руля и мысли: «Я держу».

А потом он снова опустил переднее колесо, остановился, снял шлем и увидел, что Аня не пишет в блокнот. Она просто смотрит. И в её глазах нет ни страха, ни восторга. В них — понимание.

Он помолчал. В этом молчании было что-то тяжёлое, будто он взвешивал не её предложение, а что-то своё, личное.

В его голове щёлкнуло. Не из доброты. Не из интереса к Ане. А из той самой упрямой необходимости защитить то, что ему дорого. Отец снова давил: «Салон ждёт, ты должен зайти, посмотреть, разобраться». Отец не верил, что стантрайдинг — это не баловство, а труд, риск, дисциплина. Что это его жизнь.

Если у него будет «обязательство» — интервью с журналисткой, материал горит, сроки поджимают, — он сможет сказать: «Я не могу, у меня работа». Это не отказ. Это занятость. Важная, почти взрослая. И пусть это звучит как уловка, но для Глеба это был способ удержать свою свободу, не сжигая мосты.

Он наклонил голову, будто сам себе давал разрешение:

— Ладно. В выходные. В «Моторе». Это кафе у заправки. В одиннадцать.

Аня быстро черкнула в блокноте: «11:00, „Мотор“», как будто, если не запишет, всё исчезнет.

— В одиннадцать, — повторила она, чтобы услышать, что это правда. — Я буду. Спасибо.

— Только без пафоса, — буркнул он, уже отворачиваясь, но не грубо, а как человек, который ставит рамки, чтобы не потерять контроль. — Никаких «чемпион, покоритель асфальта». Пиши про то, что видела. Про падение. Про жёлтую линию. Про то, что тут нельзя быть невнимательным.

Аня подняла на него глаза и вдруг почувствовала, как внутри расправляется что-то сжатое:

— Я напишу про жёлтую линию. И о том как вы про неё объяснили, — твёрдо сказала она.

Он чуть задержал взгляд — на её блокноте, на том, как она стоит, выпрямившись, будто готова держать удар. И подумал: может, эта статья и правда станет чем-то большим, чем просто способ выиграть время. Может, она поможет отцу наконец увидеть: это не игра. Это серьёзно.

— И ещё… — он помолчал, будто подбирал слова, которые не привык произносить. — Я согласился не ради пиара. А ради истории.

Аня чуть улыбнулась — впервые по-настоящему, без напряжения:

— Поняла. Эта история будет честной. Обещаю.

Он сел на байк, натянул шлем, завёл мотор, и рёв перекрыл всё остальное. Но прежде чем сорваться с места, он на секунду задержал взгляд на Ане. И в этом взгляде было что-то, от чего у неё странно ёкнуло в груди — не страх, а будто признание: ты не просто помеха, ты можешь понять.

Когда мотоцикл скрылся за поворотом, Юля обняла Аню за плечи.

— Ты это слышала? Он согласился! В выходные! В кафе!

Аня всё ещё смотрела туда, где только что стоял Глеб, будто боялась, что всё это окажется сном.

— Слышала, — прошептала она. — Но знаешь, что самое странное? Я ему верю. Он правда хочет, чтобы я написала честно.

Юля хмыкнула, лукаво прищурившись:

— А ещё он не хотел никакого интервью. Но остался, чтобы договориться. Это что-то да значит.

Сумерки окончательно накрыли площадку, тени стали гуще, а воздух — прохладнее. Запах бензина и резины понемногу сменялся запахом вечерней травы и далёкого дождя. И Аня вдруг поняла: сегодня она не просто чуть не попала в беду. Сегодня она впервые шагнула туда, где правила пишут не в учебниках, а на асфальте. И теперь ей предстояло рассказать об этом так, чтобы даже отец, слушая свой вечерний эфир, подумал: «А у Ани получается. По-своему, но получается».

***

Офис отца всегда пах одинаково: дорогим деревом, крепким кофе и чем-то ещё — тяжёлым, будто сам воздух здесь был пропитан властью и правом решать чужие судьбы. Глеб стоял у окна, глядя на город внизу, который казался отсюда игрушечным, собранным из кубиков, где каждый кубик — чья-то жизнь, чей-то риск, чья-то мечта.

Отец сидел за массивным столом, не глядя на сына. Его пальцы неторопливо постукивали по столешнице — ритм, который Глеб знал с детства: это был звук отсчёта, звук, после которого следовал приговор. Седые виски, прямая осанка, взгляд, в котором не было ни теплоты, ни раздражения, только холодная оценка.

— Ты опять опоздал, — спокойно произнёс отец, не поднимая глаз. — Не на пять минут. Не на десять. На двадцать три. Для человека, который хочет доказать, что он серьёзен, это странно.

Глеб сжал кулаки в карманах, но голос держал ровным. Он знал: если сорвётся сейчас, проиграет ещё до первого аргумента.

— Я был на площадке. Проверял байк после падения. Вилка, пластик… мелочи, но если их не замечать, они становятся катастрофой.

Отец наконец поднял взгляд. В нём не было злости — только ледяная категоричность.

— Вот именно. Мелочи. Ты видишь только мелочи. А я вижу, как ты тратишь деньги. На мотоциклы. На резину. На эти… соревнования, где ты рискуешь не только собой, но и репутацией семьи.

Глеб дёрнулся, будто от удара.

— Это не трата. Это инвестиции. В себя. В свой сезон. В то, что я умею делать лучше всего.

Отец резко хлопнул ладонью по столу, и звук ударил по комнате, как выстрел.

— Ты ничего не умеешь! Ты умеешь падать и вставать. А этого мало, чтобы управлять тем, что я строил двадцать лет. Я хочу видеть в тебе партнёра, а не каскадёра.

В груди у Глеба вспыхнуло, но он заставил себя не сорваться.

— Потому что ты не смотришь, что за этим стоит. Дисциплина. Расчёт. Ответственность. Каждый трюк — это сотни часов работы. Каждый заезд — это риск, который я держу под контролем.

Отец откинулся на спинку кресла, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на усталость — но не от работы, а от вечного непонимания сына.

— Контролируешь? А кто будет контролировать твои счета? Кто будет платить за твой спорт, если я перестану?

Глеб замер. Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал.

— Что ты имеешь в виду?

Отец наклонился вперёд, и теперь в его голосе звучала не просто строгость — в нём была окончательность.

— Я даю тебе месяц. Один месяц, чтобы ты начал работать здесь. По-настоящему. Не «заглянуть», не «посмотреть», а сидеть на совещаниях, разбираться в отчётах, учиться тому, как держится бизнес. Если через месяц ты скажешь мне, что это не твоё… — он сделал паузу, и эта пауза была тяжелее любого крика, — тогда я прекращаю финансирование. Ни копейки на мотоциклы. Ни на запчасти. Ни на участие в соревнованиях. Ты будешь жить на то, что заработаешь сам.

Внутри у Глеба всё сжалось. Он знал, сколько стоит сезон: байк, обслуживание, резина, транспорт, взносы. Без поддержки отца это превратится в бесконечную гонку за копейками, где любая поломка станет концом.

Но ещё сильнее его обожгло не это.

— А если я скажу, что не хочу участвовать в твоём бизнесе не потому, что мне лень, а потому что он… нечестный? — голос Глеба прозвучал тихо, но твёрдо. — Потому что я видел, как ты давишь на подрядчиков. Как заставляешь людей соглашаться на невыгодные условия. Как делаешь так, чтобы они чувствовали, что у них нет выбора. Я ненавижу это. Я не хочу быть частью обмана.

На секунду в кабинете повисла тишина, такая плотная, что в ней можно было резать ножом. Отец медленно поднялся, обошёл стол и остановился напротив сына, глядя на него так, будто видел перед собой чужого человека.

— Ты смеешь судить меня? Человека, который дал тебе всё? Образование, дом, машины, свободу… Да, я жёсткий. Да, я требую. Но бизнес — это не благотворительность. Это выживание. И если ты не готов играть по этим правилам, значит, ты не готов ни к чему.

Глеб не отвёл взгляда. В его зелёных глазах, тёмных, как старая хвоя, не было ни страха, ни покорности.

— Я готов играть по правилам. Только по честным. Где сила — не в том, чтобы сломать другого, а в том, чтобы удержать себя. Где победа — не в том, чтобы заставить кого-то проиграть, а в том, чтобы сделать больше, чем мог вчера.

Отец долго смотрел на него, будто пытался найти в этом упрямстве хоть что-то знакомое, хоть что-то от себя.

— Месяц, — повторил он, уже тише, но не мягче. — У тебя есть месяц. Подумай. Хорошенько подумай. Потому что потом пути назад не будет.

Глеб кивнул. Не в знак согласия. В знак того, что услышал.

— Я подумаю, — сказал он. — Но знай: я не стану тем, кем ты хочешь меня видеть. Я останусь собой.

Отец чуть склонил голову, будто принимая этот вызов.

— Посмотрим, на сколько тебя хватит.

Когда Глеб вышел из кабинета, коридор показался ему слишком узким, стены — слишком близкими, а воздух — слишком тяжёлым. Он шёл к выходу, чувствуя, как внутри всё дрожит от напряжения, от гнева, от этой несправедливости, которая теперь висела над ним, как меч.

Спускаясь по лестнице, он вдруг вспомнил слова Ани: «Я напишу про жёлтую линию. И о том, как вы про неё объяснили».

И в этот момент его осенило.

Статья. Интервью. История, которую расскажет Аня. Не про «крутого парня на мотоцикле», а про труд, про риск, про дисциплину. Про то, почему стантрайдинг — это спорт, а не развлечение. Если её опубликуют, если её прочитают… может, даже отец увидит, что это не просто «катание по кругу». Что за каждым трюком — работа. За каждым падением — урок. За каждой победой — выбор.

Он достал телефон, быстро набрал сообщение:

«Завтра в „Моторе“. В 11.»

И, не дожидаясь ответа, сунул телефон обратно в карман.

Да, месяц — это мало. Да, без денег будет тяжело. Но Глеб верил: он справится. Не потому что у него есть поддержка. А потому что у него есть цель. И пока он может держать руль, пока может чувствовать, как мотоцикл отзывается на каждое движение, он не сдастся.

Глава 3 История, написанная царапинами

Я пришла в «Мотор» пораньше — хотелось поймать это утро, пока оно ещё тихое, не затоптанное чужими разговорами и звоном посуды. Села у окна, разложила перед собой блокнот, ручку, телефон. Всё по местам, всё как надо. Так мне становилось чуть спокойнее, будто если вещи лежат правильно, то и слова придут правильные.

Поглядывала на дверь каждые полминуты. Руки чуть подрагивали — не от холода, его тут не было, а от волнения. Это ведь не просто интервью. Это шанс доказать, что я могу писать не по шаблону, не «как надо», а честно. И ещё… где-то в глубине души мне хотелось, чтобы чемпион увидел: я действительно стараюсь его понять.

Когда он вошёл, я сразу его заметила, но сделала вид, что смотрю в блокнот. На самом деле я ловила каждую деталь: как он остановился на пороге, будто примеряясь, стоит ли заходить; как провёл ладонью по каштановым волосам — они в утреннем свете казались чуть светлее обычного; как на секунду замер, увидев меня, и в его зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение — и тут же сменилось настороженностью.

Он подошёл, сел напротив, положил руки на стол, но тут же убрал, будто не знал, куда их деть. В простой чёрной футболке и джинсах, без привычной мотокуртки, он казался чуть менее «чемпионом» и чуть более обычным парнем. Но взгляд оставался тем же — внимательным, собранным, будто он всё время держал невидимую траекторию, даже сидя за столиком.

— Привет, — сказал он чуть хрипловато, будто ещё не успел «включить» голос. — Ты рано.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась не нервной, а настоящей.

— Я люблю утро. Тут тихо. Можно услышать мысли.

Он хмыкнул, будто эта фраза его слегка удивила.

— А я люблю, когда меня не замечают.

Официантка подошла быстро, привычно кивнула Глебу, как знакомому:

— Как обычно? Американо и круассан?

Он кивнул, не глядя в меню, и я вдруг поняла: он здесь свой. Не как звезда, а как человек, у которого есть своё место.

— А тебе? — спросил он, будто спохватившись, что сидит и не предлагает.

— Латте, пожалуйста, — тихо сказала я. — И… если можно, кусочек яблочного пирога.

Пока ждали заказ, я украдкой разглядывала его: как свет ложится на его волосы, как в зелёных глазах то вспыхивает, то гаснет это его внутреннее напряжение, как он время от времени чуть хмурится, будто сам с собой спорит. И в какой-то момент поймала себя на мысли, что мне нравится не только то, какой он на трассе, а вот этот — немного неловкий, настоящий, не готовый сразу раскрыться.

Глеб будто почувствовал мой взгляд и чуть приподнял бровь:

— Что? У меня кофе на футболке? Или я внезапно стал похож на схему мотоцикла?

Я рассмеялась, и от этого смеха напряжение будто чуть-чуть рассеялось.

— Нет. Просто… ты выглядишь так, будто решаешь прямо сейчас какую-то очень сложную задачу.

— Так и есть, — серьёзно кивнул он, а потом вдруг подмигнул: — Пытаюсь решить, как не наговорить лишнего и при этом не выглядеть скучным.

Повисла короткая пауза. В ней было столько неловкости, что я поспешила её заполнить.

— Прости, если это звучит глупо, но… я хотела начать не с «когда ты понял, что хочешь быть чемпионом», а с чего-то другого. С того, что я видела. Про жёлтую линию. Про то, как ты тогда… — я запнулась, вспоминая тот вечер, — как ты среагировал. Как ты спас меня, а сам упал.

Глеб чуть нахмурился, будто ему было неприятно это вспоминать. Не потому что он боялся показаться слабым, а потому что не любил быть в центре внимания.

— Это не героизм. Это рефлекс. И физика. И опыт. Если каждый день стоишь на грани, ты учишься видеть, где эта грань.

— Вот это и интересно, — быстро сказала я, боясь, что он замкнётся. — Не «герой», а человек, который каждый день учится не падать. Или, если падает, вставать так, чтобы это что-то значило.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно, и в этом взгляде мелькнуло удивление — будто он не ожидал, что кто-то сформулирует это именно так.

— Ладно, — наконец сказал он. — Давай попробуем. Но без «покоритель асфальта».

Я кивнула, открыла блокнот, взяла ручку.

— Просто факты. И чувства. Если ты готов ими делиться.

И он начал. Сначала короткими фразами, будто проверял, выдержит ли. Рассказывал про баланс, про то, как мотоцикл «разговаривает» с тобой через руль, про вибрации, которые ты учишься читать раньше, чем видишь препятствие. Про то, что стантрайдинг — это не про скорость, а про контроль. Про секунды, в которых решается всё.

Постепенно его голос становился ровнее, слова лились свободнее, и он уже не смотрел в сторону, а прямо на меня, будто видел во мне не журналистку с блокнотом, а собеседника, которому можно доверить что-то важное.

— Знаешь, что самое сложное? — вдруг сказал он, и в голосе проскользнуло что-то личное, почти уязвимое. — Не трюк. Не падение. А когда тебе говорят, что всё это… неважно. Что это просто развлечение, пока ты не начнёшь «делать настоящее дело».

Я замерла с ручкой над блокнотом, но не стала записывать. Просто посмотрела на него и тихо спросила:

— Кто так говорит?

Глеб на секунду зажмурился, будто хотел стряхнуть с себя эти слова, но они уже вырвались.

— Отец. Он хочет, чтобы я вошёл в бизнес. Считает, что спорт — это этап, который пора перерасти.

В этот момент принесли кофе и пирог. Глеб машинально взял кружку, обхватил её ладонями, будто искал в тепле опору.

— Он дал мне месяц, — продолжил он уже тише, почти себе под нос. — Месяц, чтобы я начал работать в офисе. А если нет… — он сжал кружку чуть крепче, — он прекращает финансирование. Ни копейки на байк. Ни на запчасти. Ни на участие в соревнованиях.

У меня внутри всё сжалось. Я вспомнила, как Дима говорил про замену пластика, про вилку, про то, сколько всего может сломаться и сколько это стоит.

— То есть… если ты не согласишься, ты не сможешь тренироваться?

Глеб резко поставил кружку, и кофе чуть расплескался по блюдцу. В его глазах вспыхнула злость — не на меня, а на саму ситуацию, на несправедливость, которая казалась ему невыносимой.

— Смогу, — твёрдо сказал он. — Я найду способ. Но это… это как сказать художнику: «Брось кисти, иди считай деньги, а рисовать тебе больше не положено». Это не про возможности. Это про право заниматься тем, что у тебя в крови.

Он замолчал, будто сам испугался, что сказал слишком много. И тут же попытался сгладить:

— Прости. Это… не для статьи. Просто вырвалось.

Я медленно закрыла блокнот.

— Не для статьи, — тихо согласилась я. — Но спасибо, что сказал. Иногда важнее не то, что пойдёт в газету, а то, что помогает понять человека.

Глеб посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то новое — не настороженность, а признательность.

— Ты странная журналистка, — сказал он чуть мягче, почти с улыбкой. — Обычно все хотят «громких слов». А ты… ты хочешь понять.

Я чуть покраснела, но улыбнулась в ответ.

— Просто я не хочу писать про того, кого не вижу. Я хочу писать про тебя. Настоящего. Даже если он иногда злится на весь мир.

Мы замолчали, но теперь в этой тишине не было неловкости. Было что-то другое — будто между нами протянулась тонкая ниточка доверия.

За окном солнце поднималось выше, заливая кафе тёплым светом. Где-то за соседним столиком смеялись, звенела посуда, пахло корицей и свежим хлебом. И в этом обычном утреннем шуме вдруг стало слышно что-то очень важное: два человека, каждый со своими страхами и мечтами, нашли точку, где их миры могли соприкоснуться.

Глеб потянулся к круассану, отломил кусочек, но не съел, а просто покрутил в пальцах.

— Знаешь, самое обидное даже не то, что денег не будет, — снова заговорил он, будто ему нужно было досказать. — А то, что отец… он добивается своего нечестными методами. Давит, заставляет, делает так, чтобы у людей не оставалось выбора. А я не хочу так. Я верю, что побеждать можно честно. Что сила — не в том, чтобы сломать другого, а в том, чтобы удержать себя.

Я слушала, не перебивая, и старалась не смотреть на него слишком пристально, чтобы не спугнуть эту откровенность. В моих глазах не было ни осуждения, ни жалости — только внимание. И это, наверное, было самым редким и самым ценным, что Глеб встречал за последнее время.

— Спасибо, — вдруг сказал он, глядя мне прямо в глаза. — За то, что не торопишь. За то, что не делаешь из этого шоу.

Я чуть наклонила голову, будто принимая этот комплимент как что-то хрупкое, что можно легко разбить неловким словом.

— Пожалуйста, — прошептала я. — И… если хочешь, мы можем вообще сегодня не про спорт. Можем просто… поговорить. Если тебе нужно выговориться.

Глеб усмехнулся, но в этой усмешке не было горечи — скорее, облегчение.

— Нет. Давай про спорт. Пусть это будет моим ответом. Не словами отцу. А делом. Пусть моя площадка скажет за меня то, что я не могу сказать в его кабинете.

И я поняла: статья будет. Но не обычная. Не про «крутого парня на мотоцикле». А про человека, который борется не только с асфальтом и гравитацией, но и с тем, что гораздо тяжелее — с непониманием самого близкого человека. И, возможно, эта история поможет не только Глебу быть услышанным, но и мне найти свой собственный голос.

Дверь кафе звякнула, и в проёме появились Юля с Димой. Юля влетела, как порыв ветра: в рыжеватых волосах запутался солнечный луч, глаза сияли, а на губах играла та самая улыбка, от которой сразу становилось теплее. Дима шёл следом, чуть медленнее, будто старался держаться солиднее, но стоило ему увидеть Глеба — и он тут же расплылся в широкой ухмылке.

— А вот и наша звезда, — весело бросил Дима, подходя к столу. — Сидит, кофе пьёт, будто не он вчера чуть не устроил тут шоу с переворотом.

Юля тем временем уже плюхнулась на свободный стул рядом со мной, схватила мою руку и так крепко её сжала, что я чуть не выронила ручку.

— Мы шли мимо, а тут… — она сделала паузу, стрельнула глазами то на меня, то на Глеба, и хитро подмигнула, — и вы вдвоём. В кафе. В полдень. И даже не спорите. Это уже не просто «интервью», Ань. Это… атмосфера.

Я почувствовала, как щёки вспыхивают, будто кто-то поднёс к ним спичку.

— Юль, ну перестань, — пробормотала я, пытаясь спрятать смущение за блокнотом. — Мы про спорт говорим.

Глеб, услышав это, чуть наклонил голову, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку — лёгкую, едва заметную, но настоящую. Он перевёл взгляд на Диму, кивнул в сторону Юли:

— Ты за ней вообще следишь? Она сейчас весь «Мотор» в романтический сериал превратит.

Дима фыркнул, но в этом фырканье не было обиды — скорее, привычная мужская подначка.

— Слежу. Но она быстрее мотоцикла. Только отвернёшься — а она уже где-то впереди, всех заражает своим «а давай попробуем».

Юля театрально приложила ладонь к груди:

— Это не «попробуем», это «я точно знаю, что получится».

Глеб качнул головой, но уголки губ всё-таки дрогнули.

— Ладно, садитесь уже. Тут не сцена, а кафе. И кофе остывает.

Они сели: Дима — рядом с Юлей, так, чтобы между ними оставалось совсем немного места, будто он специально оставлял этот крошечный зазор, чтобы не казаться слишком напористым, но и не сидеть слишком далеко. Он тут же потянулся к круассану Глеба, но тот ловко перехватил его руку.

— Свои заказывай. У меня и так день нервный.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Дима, но тут же посерьёзнел, будто вспомнил, зачем пришёл. — Слушай, я тут подумал… раз уж Аня пишет про стантрайдинг, надо ей показать не только красивые трюки, а всю кухню. Про запчасти, про ремонт, про то, сколько времени уходит на одну деталь. Это ведь тоже спорт. Просто с другой стороны.

Аня подняла глаза, и в них вдруг вспыхнул тот самый интерес, который Глеб уже видел: не восторженный, не поверхностный, а настоящий, цепкий.

— Да, — быстро сказала она. — Я как раз хотела спросить… вот этот пластик, который ты вчера осматривал… он ведь не просто так ломается? И сколько стоит его заменить? И это каждый раз так?

Дима оживился, будто наконец-то попал в свою стихию.

— Каждый раз. И не только пластик. Вилка, подшипники, тормоза — всё живёт ровно столько, сколько ты ему позволишь. А в стантрайдинге ты ему не очень-то позволяешь жить долго. Тут износ — это норма. Ты не ездишь, ты работаешь на пределе, и техника это чувствует.

Он говорил быстро, увлечённо, размахивая руками, и я ловила каждое слово, записывая в блокнот: «износ — норма», «техника чувствует предел», «ремонт — часть спорта».

— А ещё есть травмы, — вдруг добавил Дима, и фраза повисла в воздухе, чуть тяжелее остальных. — Не хочу пугать, но… Глеб у нас в травмпункте почти свой человек. То плечо, то колено, то локоть. Падения не проходят бесследно.

Глеб резко выпрямился, и в его позе снова появилась та собранность, с которой он выходил на трассу.

— Дим, — спокойно, но твёрдо сказал он. — Может, без этого?

Дима замер, будто только сейчас понял, что перегнул.

— Прости, — тут же сказал он, чуть тише. — Просто хотел, чтобы Аня поняла: это не просто «круто и страшно». Это риск. Каждый трюк — это не только красота, но и цена.

Я подняла глаза на Глеба. В них не было злости — скорее, лёгкая усталость от того, что эту сторону всегда вытаскивают на свет, будто без неё история неполная. Но я не хотела его жалеть. Я хотела понять.

— Я поняла, — тихо сказала я. — Ты знаешь, на что идёшь. И всё равно идёшь.

Глеб чуть задержал на мне взгляд, будто взвешивая, правда ли я это понимаю. Потом медленно кивнул.

— Именно.

Дима, будто почувствовав, что напряжение нужно срочно чем-то разбавить, хлопнул ладонью по столу — не сильно, но так, что все невольно посмотрели на него.

— В воскресенье соревнования, — выпалил он. — На старой площадке у промзоны. Там будет жёстко, но честно. И… — он перевёл взгляд с меня на Юлю, и в этом взгляде мелькнуло что-то новое, более смелое, — я бы хотел, чтобы вы пришли. Обе. Чтобы увидели всё вживую. Не через статью, не через рассказы, а своими глазами.

Юля тут же вскинула брови, — Конечно, придём! — воскликнула она. — А можно поближе к трассе? Чтобы видеть каждую деталь?

Дима улыбнулся, и улыбка у него получилась тёплая, чуть застенчивая.

— Постараюсь устроить. У меня там есть знакомый организатор. Скажу, что вы со мной.

Глеб слушал всё это молча, и я вдруг поняла: он не предложил этого сам. Не потому что не хотел, а потому что для него пригласить кого-то на соревнования — это почти как открыть дверь в свой личный мир. А Дима сделал это легко, свободно, будто для него не было в этом ничего особенного. Но для меня это значило много.

— Спасибо, — тихо сказала я, глядя на Диму. — Это… очень важно.

Он пожал плечами, будто отмахиваясь от благодарности, но в глазах у него мелькнуло удовлетворение.

— Не за что. Хочу, чтобы люди видели, что это не просто «парни на мотоциклах». Это труд. И риск. И… своя правда.

Юля наклонилась ко мне и прошептала, так, чтобы слышала только я:

— Видишь? Тут все такие. Даже если делают вид, что крутые и непробиваемые, а внутри — огонь. И они хотят, чтобы кто-то этот огонь заметил.

Я улыбнулась ей, и на этот раз без смущения.

— Я заметила, — прошептала я в ответ. — И расскажу об этом. Честно.

За окном солнце поднималось всё выше, и кафе наполнялось людьми, шумом, смехом. Но за нашим столом было что-то своё, особенное: не просто разговор, а начало понимания. И я вдруг почувствовала, что эта статья — она уже не про задание. Она про людей. Про Глеба, который борется не только с асфальтом, но и с непониманием. Про Диму, который знает про мотоциклы всё и готов делиться этим просто так. Про Юлю, которая умеет видеть в каждом дне приключение. И про меня — которая обязательно найдёт свой голос.

***

Солнце садилось, заливая город тёплым медовым светом, а в кафе «Мотор» становилось всё шумнее: люди заходили после работы, заказывали десерты, смеялись над собственными шутками. Компания просидела за столиком так долго, что блокнот Ани исписался почти до середины, а её чашка опустела уже дважды. Юля без умолку болтала, щедро делясь своей энергией, Дима то и дело поглядывал на неё — словно боялся упустить хоть одну её улыбку, хоть одно движение. Глеб же всё чаще бросал взгляды на Аню, и в этих взглядах постепенно таяла настороженность, уступая место чему-то новому — интересу. Будто он только сейчас по-настоящему заметил: рядом сидит не просто журналистка с блокнотом, а человек, который искренне старается его понять.

— А хотите, покажу, как это всё устроено? — неожиданно предложил Дима, будто и сам удивился собственной смелости. — У меня гараж недалеко. Там сейчас стоит байк Глеба — я как раз собирался глянуть вилку, проверить, не повело ли после падения. Покажу запчасти, расскажу, из чего вообще состоит вся эта кухня. Аня, тебе же для статьи пригодится.

Юля тут же вскинула руки, словно это было самое захватывающее предложение на свете:

— Конечно хотим! Я вообще люблю смотреть, как что-то чинят.

Аня чуть помедлила, будто проверяя, не навязывается ли она, но потом решительно кивнула:

— Да, пожалуйста. Я столько слов записала, а до сих пор не понимаю, как выглядит половина деталей. Хочу увидеть.

Глеб слегка нахмурился — не от недовольства, а по привычке держать свой мир закрытым. Для него мотоцикл был не просто машиной, а чем-то глубоко личным, продолжением его самого, и пускать кого-то в эту зону всегда было непросто. Но, посмотрев на Аню, он вдруг понял: ей не хочется смотреть на «звезду». Ей хочется разобраться.

— Ладно, — негромко произнёс он. — Только без восторгов по поводу царапин. Они у него заслуженные.

Дима просиял, будто ему только что доверили нечто очень важное. Он быстро расплатился, хотя Глеб и пытался возразить, а у выхода чуть задержался рядом с Юлей, словно искал повод побыть рядом ещё немного.

— Тут идти минут десять, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя голос едва заметно подрагивал от волнения. — Гараж у меня… ну, не совсем обычный. Там и жить можно. Покажу всё.

Юля рассмеялась легко и звонко:

— Дим, да я не ради интерьера. Ради тебя. Ну и ради мотоциклов, конечно.

Он чуть покраснел, но улыбнулся, и улыбка вышла такой искренней, что даже Глеб хмыкнул, будто одобряя:

— Ну, веди. Пока не передумали.

Гараж оказался не просто мастерской, а продуманным пространством, где работа и жизнь органично переплелись. Первое, что бросалось в глаза, — идеальная аккуратность: инструменты висели на своих местах, полки были подписаны, в углу стояли старый термос и пара кружек. На стене висели фотографии с соревнований — выцветшие, потёртые, но на них были те же люди: Глеб, Дима, ещё несколько парней, которых Аня не знала, но которые выглядели так, будто понимали друг друга без слов.

В центре, словно на постаменте, стоял зелёный мотоцикл Глеба. Аня подошла к нему осторожно, почти благоговейно, провела пальцами по пластику, вглядываясь в каждую царапину, будто читала историю, написанную на металле и пластике.

За невысокой перегородкой открывалось другое пространство: высокий зал с внутренней лестницей, ведущей на небольшую антресоль. Современный ремонт — светлые стены, лаконичные светильники, открытые балки. Внизу располагался уютный уголок с тёмно-серым диваном, напротив висел телевизор, а рядом стояла стильная кофемашина, от которой тянулся тонкий аромат свежесмолотого зерна. Всё выглядело так, будто Дима специально обустроил это место, чтобы после долгой работы можно было просто выдохнуть и почувствовать: ты дома.

— Вот тут он лёг, — тихо сказал Дима, снова возвращаясь к делу, словно прятал смущение за привычными словами. — Вилка цела, но подшипники лучше поменять. Это расходник. Как перчатки.

Он принялся рассказывать про запчасти, про стоимость каждой детали, про то, как важно не экономить на мелочах: именно они решают, удержишься ты или упадёшь. Аня слушала, записывала, переспрашивала, и с каждым её вопросом Дима говорил всё увереннее, будто наконец нашёл того, кто действительно хочет его услышать.

Юля кружила по гаражу, трогала инструменты, заглядывала в ящики, а заметив лестницу, тут же воскликнула:

— А наверх можно?

Дима слегка замялся:

— Можно. Там… ну, спальня. Но ничего особенного.

— Именно поэтому и хочу посмотреть, — подмигнула Юля. — Люблю видеть, где люди живут. В этом столько характера.

Она поднялась по лестнице, а Дима остался внизу, будто специально не пошёл следом, чтобы не показаться навязчивым. Он снова повернулся к мотоциклу, к деталям, к тому, что знал лучше всего.

— Знаешь, — тихо сказала Юля, остановившись на верхней ступеньке и глядя вниз, — ты такой серьёзный, когда про байки рассказываешь. Как будто это не просто железо, а что-то очень личное.

Дима замер, словно слова ударили его в самое сердце.

— Это и есть личное, — признался он. — Для Глеба это спорт. Для меня… это способ быть рядом. Помогать. Делать так, чтобы он мог ехать дальше.

Юля мягко улыбнулась, без тени насмешки:

— Это круто. Быть тем, кто держит всё вместе.

Глеб стоял у стены, наблюдая за этой сценой, и вдруг почувствовал, как внутри что-то щёлкает — не раздражение, а странное, непривычное тепло. Мир, который он всегда считал исключительно своим, вдруг стал шире. И это одновременно радовало и пугало.

Аня подошла к нему, держа блокнот в руках, но не открывая его.

— Ты не против, что мы тут? — тихо спросила она. — Понимаю, это твоя территория. Не хочу… вторгаться.

Глеб медленно покачал головой:

— Ты не вторгаешься. Просто… я не привык, чтобы кто-то так внимательно смотрел. Обычно все видят только трюки. А ты смотришь на то, что за ними.

Она чуть улыбнулась, и в этой улыбке было столько понимания, что у него на мгновение перехватило дыхание. И тут же он одёрнул себя: «Осторожно. Не позволяй этому стать важнее площадки. Спорт — не про чувства. Он про контроль».

— Ладно, — произнёс он чуть резче, чем хотел, — хватит лирики. Дима, показывай дальше. Пусть Аня увидит, сколько тут работы.

Дима кивнул, будто понял, что Глебу нужно вернуть почву под ноги, и снова заговорил про подшипники, вилки и про то, как металл устаёт, даже если кажется вечным.

Время текло незаметно. Аня задавала всё новые вопросы, Юля спустилась с антресоли и теперь сидела на краю дивана, болтая ногой, а Дима то и дело подходил к кофемашине и предлагал всем по чашке, словно хотел, чтобы вечер длился как можно дольше. В этом не было нарочитости — только искреннее желание удержать момент.

Но вечер всё-таки подходил к концу. Город за воротами гаража темнел, зажигались фонари, воздух становился прохладнее.

— Наверное, нам пора, — сказала Аня, закрывая блокнот. — Уже поздно. И… спасибо. Теперь я понимаю гораздо больше.

Дима будто очнулся, осознав, что время вышло.

— Да, — быстро сказал он. — Такси вызову. Тут район не самый безопасный ночью.

Пока он заказывал машину, Юля подошла к Глебу и тихо шепнула:

— Он всё это показывает не ради статьи. Просто хочет подольше побыть с тобой… и со мной.

Глеб усмехнулся, но без насмешки:

— Пусть. Ему это важно.

Когда такси подъехало, они вышли на улицу, где ночь уже окончательно вступила в свои права. Аня стояла рядом с Глебом, и между ними оставалось совсем немного места — не так, как раньше, когда каждый шаг казался ей слишком смелым. Теперь это расстояние было привычным. Почти своим.

— Я напишу, — тихо пообещала она. — Но не так, как обычно. Напишу про труд. Про риск. Про людей, которые делают это возможным.

Глеб кивнул, не зная, что ещё сказать.

— Хорошо, — ответил он. — Главное… не делай из меня героя.

— Не сделаю, — твёрдо сказала она. — Ты и так достаточно сильный, чтобы не нуждаться в этом.

Они сели в такси: Аня и Юля — назад, Глеб — вперёд. Когда автомобиль отъезжал, Аня посмотрела в окно и увидела, как Дима жестами что-то говорит Юле, и та засмеялась, запрокинув голову. Рядом с ней Глеб смотрел вперёд, будто пытался удержать в голове все эти новые ощущения — и не дать им сбить его с пути.

«Я справлюсь, — думал он. — С ультиматумом. С деньгами. С собой. Главное — не потерять то, ради чего я выхожу на площадку».

А Аня прижала к груди блокнот и улыбнулась. Впервые за долгое время она чувствовала, что пишет не просто задание. Она пишет про людей. Про тех, кто не сдаётся. И про того, кто, возможно, однажды позволит ей быть рядом не только с блокнотом в руках.

Глава 4 Тени прошлого

Воскресенье ударило по ушам рёвом моторов — таким плотным, что слова терялись ещё до того, как успевали родиться. Площадка у промзоны будто превратилась в отдельный мир: асфальт, огороженный конусами, пыль, летающая в солнечных лучах, и эти звуки — не просто шум, а ритм, от которого вибрировало всё внутри.

Мы с Юлей пришли пораньше, чтобы занять место поближе к площадке — Дима сдержал слово, договорился с организатором, и нам даже выдали браслеты «VIP-гость». Юля тут же надела его на запястье и заявила, что это её главный трофей дня. Я держала в руках блокнот, но понимала: сегодня он мне вряд ли понадобится. Тут не записывают — тут чувствуют.

— Ну что, готова? — крикнула Юля, перекрывая рёв очередного байка, который пронёсся мимо, оставляя за собой шлейф пыли и адреналина. — Это только разогрев!

Я кивнула, хотя внутри всё сжималось. Я столько читала про стантрайдинг, столько слушала Диму и Глеба, но вживую это выглядело совсем иначе. Не как спорт. Как вызов законам физики. Как игра со смертью, где ставка — каждое движение.

Райдеры выходили на трассу один за другим, и каждый заезд был как отдельная история. Кто-то делал стоппи — байк вставал на переднее колесо, будто бросая вызов гравитации, и на секунду казалось, что он зависнет в воздухе навсегда. Кто-то крутил вилли, удерживая мотоцикл в равновесии на заднем колесе, и я ловила себя на том, что сама невольно наклоняюсь вперёд, словно могла бы этим помочь райдеру удержать баланс. Были и более сложные трюки: слайды, когда мотоцикл скользил боком, выбрасывая искры, и комбинации, где за считаные секунды сменялось несколько элементов. Каждый из них был красив — холодной, острой красотой, от которой захватывало дух. Но за каждым трюком я теперь видела то, о чём говорил Дима: износ деталей, усталость металла, риск падения. И каждый раз, когда райдер выходил из опасного манёвра, я выдыхала так, будто сама только что удержала равновесие.

А потом на трассу выехал Глеб.

Он появился не с помпой, не с криками и овациями — просто выехал из-за поворота, спокойно, будто проверял, как асфальт отзывается на колёса. На секунду он замер, будто сливаясь с мотоциклом, и в этом мгновении было столько сосредоточенности, что даже шум вокруг будто стал тише.

Сначала он сделал вилли — просто, чисто, без лишних движений. Потом стоппи, такой резкий, что у меня сердце подпрыгнуло к горлу. А дальше пошли комбинации: он переходил из одного элемента в другой, будто танцевал с мотоциклом, где каждое движение было просчитано до миллиметра. Он крутил слайды, и искры летели так близко, что я невольно отступала на шаг, хотя нас разделяла целая зона безопасности.

А затем он сделал фут драг: на вилли он чуть наклонился и провёл ногой по асфальту — не для торможения, а как часть трюка, как дерзкий росчерк на трассе. Это выглядело пугающе близко к земле, будто он намеренно дразнил гравитацию, и у меня внутри всё оборвалось.

Сразу следом — хэнд драг: он снова балансировал на заднем колесе и опустил руку, едва касаясь асфальта, будто чертил невидимую линию. В этот момент я перестала дышать. Я видела, как напряжены его плечи, как он удерживает мотоцикл одной силой корпуса, как рука скользит по асфальту, и понимала: любая неровность, любой камешек — и баланс уйдёт.

Он делал элементы, которые Дима называл «технически сложными» — такие, где ошибка в полсантиметра могла стоить перелома. И при этом в каждом движении не было суеты: только холодная, выверенная точность.

Мне становилось страшно. По-настоящему страшно. Я видела, как он балансирует на грани, как мотоцикл чуть вздрагивает, когда Глеб корректирует траекторию, как он на секунду замирает, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. И в эти секунды я переставала дышать.

Но одновременно с этим меня накрывал восторг. Не от «крутости» трюков, не от того, что все вокруг свистели и кричали, а от этой невероятной точности, от того, как человек и машина становились единым целым. Это было красиво — так красиво, что слёзы наворачивались на глаза, и я быстро смахивала их, чтобы никто не заметил. Особенно он.

Я злилась. Но не хотела, чтобы эта злость выглядела как упрёк. Не хотела, чтобы он подумал, будто я не вижу его мастерства, будто не понимаю, сколько труда за каждым движением. Я злилась именно потому, что видела всё слишком ясно: и его талант, и эту пугающую хрупкость момента, когда всё может пойти не так. И эта злость была на саму себя — за то, что не могу просто радоваться и аплодировать, как все остальные. За то, что моё сердце каждый раз сжимается, когда он делает очередной рискованный элемент.

Юля, кажется, чувствовала моё напряжение. Она взяла меня за руку и крепко сжала её, не отрывая взгляда от трассы.

— Он знает, что делает, — крикнула она мне прямо в ухо, будто читала мои мысли. — У него столько часов тренировок за спиной, что это уже не риск, а мастерство.

Я хотела ей поверить. Хотела сказать: «Да, ты права», но слова застревали в горле. Потому что мастерство не отменяет гравитацию. Потому что металл устаёт. Потому что даже самый опытный райдер может ошибиться.

Глеб закончил заезд длинной серией элементов, которые слились в единый поток: вилли, стоппи, слайд, фут драг, хэнд драг — и в финале он резко затормозил, подняв облако пыли, и на секунду замер, будто давая себе время вернуться из этого состояния полной концентрации в обычный мир.

Когда он снял шлем, я увидела его лицо: спокойное, собранное, без капли эйфории. Никакой улыбки победителя — только лёгкая усталость и удовлетворение от того, что всё получилось.

Он подошёл к нам, и я вдруг поняла, что стою, сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони.

— Ну, как? — спросил он, чуть наклонив голову, будто пытался прочитать мои мысли. — Не слишком… страшно?

Я хотела сказать что-то лёгкое, что-то вроде «было круто», но голос подвёл. Вместо этого я выпалила:

— Ты каждый раз так делаешь? Каждый раз так… точно и так опасно?

В этих словах скрывалась вся моя тревога, но я постаралась спрятать её за интересом журналиста — будто мне просто нужно было зафиксировать деталь для статьи. Только вот голос дрогнул на слове «опасно», и это выдало меня.

Глеб чуть нахмурился, будто не ожидал такой реакции.

— Я не на грани. На контроле. Это разные вещи.

Я покачала головой, чувствуя, как злость и страх смешиваются во что-то горячее и неуправляемое, но постаралась не выплеснуть это в упрёк:

— Для меня это выглядит как грань. И мне… тяжело это видеть. Просто… слишком много «если». Если вилка подведёт. Если баланс сместится. Если…

Он посмотрел на меня долго, внимательно, и в его взгляде не было раздражения — скорее, понимание того, что за моими словами прячется не сомнение в его силах, а страх за него.

— Прости, — тихо сказал он. — Я не думал, что это так… бьёт по нервам. Обычно все кричат, аплодируют, говорят, что это «огонь». А ты… ты слышишь эти «если».

И вот тут я не выдержала.

— Конечно, слышу! — почти крикнула я, а потом понизила голос, потому что вокруг были люди, и это было слишком личным. — Ты каждый раз рискуешь. Ты знаешь, сколько стоит падение? Не деньгами, а… тобой. Твоим телом, твоим будущим. И мне не всё равно, если кто-то пострадает.

Он не отвёл взгляда. Просто стоял и слушал, будто каждое моё слово было для него важнее любых оваций.

— Я знаю, — спокойно ответил он. — То, что тебе не всё равно. Но для меня этот риск — не пустота. В нём есть смысл. Каждый трюк — это доказательство, что я справляюсь. Что я остаюсь честным — и с собой, и с тем, что делаю.

Я вздохнула, чувствуя, как злость постепенно тает, уступая место чему-то другому — пониманию.

— Просто… будь осторожен, ладно? — прошептала я. — Даже если для тебя это контроль, для меня это всё равно грань. И я не хочу, чтобы ты её перешагнул.

Он улыбнулся — не широко, а так, что эта улыбка была только для меня.

— Ладно, — сказал он. — Буду. Ради того, чтобы ты потом не злилась.

Юля, которая всё это время стояла рядом, тихонько хмыкнула и подмигнула мне:

— Видела? Он тебя слушает. Это дорогого стоит.

Я улыбнулась ей в ответ, но улыбка получилась немного дрожащей. Потому что внутри всё ещё дрожало от пережитого.

Вокруг снова нарастал шум: готовились следующие заезды, механики проверяли байки, зрители занимали места. Но на эти несколько секунд у нас было своё тихое пространство — там, где не нужно было притворяться, что всё просто и легко. Там, где можно было признаться, что боишься.

Я посмотрела на Глеба и вдруг поняла: я не смогу запретить ему выходить на трассу. Не смогу заставить его бросить то, что для него — не просто спорт, а способ быть собой. Но я смогу быть рядом. Смогу переживать, злиться, радоваться и гордиться — и пусть он знает, что за каждым его заездом стоит кто-то, кто держит за него кулаки.

— Пойдём, — сказала я, сжимая его куртку, прежде чем отпустить. — Посмотрим, кто ещё выйдет на трассу. Но если будет слишком страшно — я спрячу лицо на твоём плече. Договорились?

Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько тепла, что страх отступил ещё на шаг.

— Договорились, — кивнул он. — Но надеюсь, до этого не дойдёт.

И мы пошли вперёд — туда, где снова ревели моторы, летали искры и люди бросали вызов гравитации. А я шла рядом, чувствуя, как в груди всё ещё стучит сердце, но уже не от страха, а от чего-то большего — от того, что я стала частью этого мира. И что, возможно, этот мир стал чуть ближе ко мне.

***

После соревнований шум площадки постепенно стихал: зрители расходились, механики убирали инструменты, а байки один за другим исчезали в прицепах. Глеб стоял у своего мотоцикла, медленно протирая визор шлема тряпкой — будто это монотонное движение помогало

ему вернуть себе контроль над мыслями. Дима подошёл, не спеша, будто боялся спугнуть этот хрупкий момент тишины, и встал рядом, засунув руки в карманы.

— Ты сегодня был на уровне, — тихо сказал Дима, не глядя прямо на Глеба, чтобы не показаться слишком навязчивым. — Каждый элемент — как по учебнику. Только… — он запнулся, подбирая слова, — только я видел, как Аня на тебя смотрела. Ей было страшно.

Глеб хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только усталость.

— Ей не должно быть тяжело из-за меня. Я не просил её переживать.

Дима помолчал секунду, потом всё-таки решился:

— Слушай… я тут кое-что узнал. От одного райдера, у которого отец работает в офисе твоего отца… в общем, говорят, он всерьёз решил перекрыть тебе финансирование. Мол, хватит с него этого «рискованного цирка».

Глеб замер, тряпка повисла в его руке. Он не удивился — скорее, почувствовал, как холодная волна догадки накрывает его с головой.

— Значит, вот откуда эти последние холодные взгляды и «ты сам выбрал свой путь». Он не просто злится. Он хочет меня сломать через деньги. Лишить возможности тренироваться, выступать, держать байк в порядке…

Дима шагнул ближе, голос его стал твёрже:

— Слушай, я буду чинить твой байк бесплатно. Всё, что смогу — сделаю. А запчасти… я найду. У меня есть знакомые в трёх сервисах, есть парни, которые продают б/у в хорошем состоянии. Я достану. Хоть по винтику соберу, но ты не бросишь стант из-за этого.

Глеб наконец поднял глаза. В них не было слёз, не было слабости — только глубокая, тяжёлая благодарность, смешанная с горечью.

— Спасибо, Дим. Правда. Ты даже не представляешь, сколько это для меня значит. Но… это не решит всего. Даже если ты будешь чинить бесплатно, мне нужны колёса, резина, расходники. Нужны выезды на трек, взносы на участие. И… — он горько усмехнулся, — мне нужно, чтобы отец не перекрывал мне кислород на каждом шагу.

Дима хотел возразить, сказать, что они что-нибудь придумают, но увидел в глазах друга не отчаяние, а холодную решимость — и понял, что пустые обещания сейчас только разозлят Глеба.

— Ладно, — кивнул он. — Не будем обещать того, чего не можем. Но я рядом. И я сделаю всё, что в моих силах.

Они стояли так ещё минуту, слушая, как затихает площадка, как ветер гоняет по асфальту обрывки бумаги и пыль. И тут к ним подошёл Марк.

Он выглядел так, будто из него выжали все силы: лицо бледное, под глазами тёмные круги, плечи ссутулены, а взгляд — тяжёлый, будто он нёс на себе груз, который никто не мог увидеть.

— Марк? — Дима первым заметил его состояние и шагнул навстречу. — Ты чего такой… будто привидение увидел?

Марк остановился, сжал и разжал кулаки, будто пытался удержать себя в руках.

— Тандер, — выдохнул он, и это слово прозвучало как ругательство. — Его возвращают в лигу. Официально объявили: он будет участвовать в предстоящем чемпионате.

У Глеба что-то внутри оборвалось. Он резко выпрямился, и вся его усталость исчезла, сменившись ледяной яростью.

— Что? — голос Глеба прозвучал глухо, почти как чужой. — Как это «возвращают»? После того, что он сделал? Его должны были дисквалифицировать пожизненно. Должны были посадить!

Марк кивнул, лицо его исказилось от боли и бессильной злости.

— Именно. Но его не посадили. Никаких уголовных дел. Просто «спортивный инцидент». А теперь он снова здесь. И будет гонять. Как будто ничего не случилось.

Дима побледнел, будто только сейчас осознал весь масштаб.

— Это невозможно… Как вообще такое могло произойти?

Глеб горько усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли юмора.

— Очень просто. У Тандера есть покровители. Когда отец — мэр, всё становится просто. Связи, влияние… Он может закрыть глаза на многое. Особенно если это выгодно его репутации.

Марк посмотрел на Глеба с горькой признательностью — будто был рад, что хоть кто-то не делает вид, что всё нормально.

— Я не смогу стоять в стороне и смотреть, как он снова выходит на трассу. Не после того, что он сделал с моим братом. Каждый раз, когда я вижу его, я вспоминаю тот день: как он подпортил мотоцикл Корса, как намеренно подрезал, как он ушёл в занос, как всё случилось за считаные секунды…

Глеб положил руку ему на плечо — не сильно, но твёрдо.

— Ты не должен стоять в стороне один. Если он снова что-то выкинет, мы будем рядом. Я не позволю ему уйти от ответственности просто потому, что у него есть связи.

Дима тоже шагнул ближе, будто хотел собрать их всех в один непробиваемый круг.

— А пока… пока мы будем готовиться. Глеб, твой байк будет на ходу. Марк, если нужно будет просто выговориться или отвлечься — ты знаешь, где меня найти. Мы не позволим Тандеру тут заправлять. Больше нет.

Марк слабо кивнул, будто даже это движение давалось ему с трудом.

— Спасибо. Просто… слышать, что я не один, уже помогает.

Ветер снова пронёсся по площадке, взметнув пыль и заставив всех на секунду зажмуриться. Глеб опустил руку, но не отступил. В его груди разгоралось не отчаяние — а решимость.

— Этот чемпионат будет другим, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Тандер думает, что может вернуться и всё будет как раньше. Но он ошибается. На этот раз у него не получится просто проехать мимо последствий.

Дима посмотрел на друга и понял: Глеб уже не просто спортсмен, который борется за медали. Он — тот, кто готов бороться за справедливость. И Дима знал, что пойдёт за ним до конца.

Глава 5 Чужая взрослая

Я сидела за своим столом, и свет настольной лампы выхватывал из темноты только блокнот, ручку да экран ноутбука. За окном уже стемнело, город мигал огнями, а в квартире стояла та особенная тишина, которая появляется, когда ты точно знаешь: ты снова одна.

Родители собирались уезжать. Опять. Я слышала, как мама на кухне быстро щёлкала замками чемодана — этот звук я узнавала с детства: резкий, деловой, будто сама спешка была её главным союзником. Папа стоял рядом, держал в руках какой-то документ и время от времени кивал, будто пытался показать, что он тут не просто так, что он тоже в этом всём участвует. Но я знала: он просто старается не спорить. Он всегда старался не спорить с мамой.

Я не пошла к ним. Не хотела стоять в дверях и смотреть, как они собирают свою жизнь в чемоданы, будто моя жизнь — это что-то отдельное, что не нужно упаковывать, потому что оно и так никуда не денется. Вместо этого я открыла новый документ, написала заголовок: «Стантрайдинг: между риском и красотой» — и поняла, что слова не идут. Они будто упирались в ту самую тишину, которая становилась всё гуще.

Мама появилась в дверях моего кабинета без стука. Она всегда так делала: входила, будто проверяла, на месте ли я, будто я могла куда-то исчезнуть, пока они были заняты.

— Аня, ты опять за этим? — спросила она, кивнув на экран. — Уже поздно. И мы уезжаем. Нина будет через полчаса.

Я сжала ручку чуть крепче, будто она могла меня удержать.

— Я почти закончила. Хочу дописать абзац про контроль. Про то, как Глеб говорит, что это не риск, а контроль. Это важно.

Мама вздохнула — не устало, а как будто я снова делала что-то не то.

— Аня, послушай. Ты умная девочка. У тебя хороший слог. Но не трать время на эти… увлечения. Это не статья. Это подростковая романтика. Тебе пора думать о серьёзном. Готовиться к поступлению.

Внутри у меня всё сжалось. Я хотела сказать: «А если я хочу писать именно об этом? Если я чувствую, что в этом есть правда?» Но вместо этого я просто кивнула. Как всегда.

— Хорошо. Я поняла.

Она чуть смягчилась, будто мой кивок был тем самым подтверждением, что я «взрослею».

— Вот и молодец. Стань самостоятельной. Не жди, что кто-то будет тебя развлекать или утешать. Жизнь такая. Надо уметь быть одной.

«Я умею быть одной», — хотела крикнуть я. Но крик застрял где-то в горле, потому что я вдруг поняла: я не хочу уметь быть одной. Я хочу, чтобы меня не учили этому, как какому-то навыку. Я хочу, чтобы кто-то просто сказал: «Мы не хотим уезжать. Мы хотим остаться с тобой».

Папа заглянул в комнату следом за мамой. Он посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но не решался при ней.

— Ань, мы ненадолго. Неделя, максимум две. Ты же знаешь, как это бывает.

Я снова кивнула. «Да, знаю. Это бывает всегда».

— Нина привезёт твои любимые пироги, — добавил он, будто это могло всё исправить. — И… если хочешь, я позвоню вечером. Если будет связь.

— Спасибо, пап, — тихо сказала я. — Это здорово.

Он улыбнулся, но улыбка вышла виноватой. И я поняла: он тоже не хочет уезжать. Но он выбирает не ссориться. Выбирает не быть тем, кто рушит планы.

Когда они ушли, в доме стало ещё тише. Я посидела ещё минуту, глядя на недописанный абзац, а потом закрыла ноутбук. Слова всё равно не шли. Вместо них в голове крутились другие фразы: «стань самостоятельной», «думай о поступлении», «жизнь такая».

Нина пришла ровно через полчаса, как и обещала. Она сразу принесла с собой запах свежей выпечки и тот особенный уют, который появляется, когда кто-то приходит не по обязанности, а потому что ты ему дорог.

— Ну, что тут у нас? — спросила она, ставя коробку с пирогами на стол и оглядывая комнату так, будто проверяла: всё ли у меня в порядке, не рассыпалось ли что-то, пока меня никто не видел. — Опять родители в разъездах?

Я пожала плечами, стараясь не показать, как сильно хочется просто уткнуться ей в плечо и сказать: «Мне грустно. Мне просто очень грустно».

— Да. Мама как всегда. Даже не предупредила заранее. Просто: «Мы уезжаем».

Нина села рядом, не спрашивая разрешения, и положила руку мне на спину — лёгкое, тёплое прикосновение, от которого становилось чуть легче.

— Знаешь, Ань, иногда взрослые думают, что научить ребёнка быть сильным — это значит научить его не плакать, когда они уходят. А на самом деле сильный — это тот, кто может сказать: «Мне тяжело, когда вы уходите».

Я закусила губу, чтобы не расплакаться.

— Но если я скажу это маме, она подумает, что я маленькая. Что я не готова к жизни. Она хочет, чтобы я повзрослела.

Нина чуть нахмурилась, будто ей было неприятно это слышать.

— Взрослеть — это не значит перестать нуждаться в любви. Это значит научиться жить, даже когда её дают не так много, как хотелось бы. Но это не значит, что ты должна делать вид, что тебе её хватает.

Я посмотрела на неё и вдруг почувствовала, как внутри что-то щёлкает.

— Ты знаешь… я всё время стараюсь делать всё правильно. Хорошо учиться, не спорить, писать статьи, которые, как мне кажется, могли бы им понравиться. Я думаю… если я буду идеальной, они будут любить меня больше.

Нина покачала головой, мягко, без осуждения.

— Любовь не дают за хорошие оценки или правильные статьи. И её нельзя купить старанием быть идеальной. Она либо есть, либо её нет. А ты заслуживаешь того, чтобы тебя любили просто так. Просто потому, что ты — это ты.

На этот раз я не смогла сдержать слёзы. Они покатились по щекам, и я не стала их вытирать. Нина обняла меня, крепко, по-матерински, и я наконец-то позволила себе быть не сильной, не взрослой, не идеальной. Я позволила себе просто быть девочкой, которой хочется, чтобы родители не уезжали.

Мы посидели так несколько минут, пока я не выдохнула весь этот ком из груди. Потом Нина достала пироги, заварила чай, и мы стали говорить о чём-то простом: о погоде, о том, как странно пахнет осенью воздух, о том, что мой мотоцикл (пусть и воображаемый) точно был бы

ярко-розовым. И постепенно тишина перестала быть пугающей. Она стала просто тишиной, в которой можно дышать.

Позже, когда Нина ушла проверять духовку, я снова открыла ноутбук. И на этот раз слова пошли. Только теперь я писала не для того, чтобы понравиться родителям. Не для того, чтобы доказать, что я взрослая. Я писала для себя. Для Глеба, для Димы, для всех, кто каждый день балансирует между риском и контролем. Для всех, кто ищет своё место в мире, даже если рядом почти никого нет.

«Стантрайдинг — это не про то, как долго ты можешь стоять на грани, — напечатала я. — Это про то, что на этой грани ты остаёшься собой. И про то, что где-то всегда должен быть кто-то, кто ждёт тебя на той стороне, чтобы помочь сойти».

Я сохранила текст, закрыла ноутбук и пошла на кухню, где пахло пирогами и домом. Настоящим домом. Тем, который не уезжает в командировки и не прячет свои чувства за словами «стань самостоятельной». Тем, который просто есть. Рядом.

***

Утро получилось на удивление светлым и спокойным. Солнце ещё не успело стать по-настоящему жарким, а только мягко касалось крыш домов, раскрашивая серые фасады в тёплые оттенки. Аня позвала Глеба на завтрак перед школой — формально, чтобы уточнить пару моментов для статьи. Ей хотелось разобраться в названиях трюков, понять, как они должны выглядеть в идеальной технике и насколько каждый из них опасен. Но где-то в глубине души она просто хотела, чтобы рядом был кто-то, с кем тишина не давит, а становится уютной.

Глеб пришёл без опоздания, в простой футболке и лёгкой куртке, с термосом в руке.

— Я прихватил кофе, — сказал он, чуть смущённо протягивая ей стаканчик. — Не знаю, какой ты любишь, поэтому взял классический. Если не понравится — выкинем.

Аня улыбнулась, и эта улыбка вышла не натянутой, как бывало, когда она старалась казаться бодрой ради родителей, а настоящей.

— Спасибо. Он мне точно понравится. Пойдём во двор? Там есть беседка. Сейчас там самое приятное место.

Беседка стояла в дальнем углу участка, увитая тонкими побегами девичьего винограда, который ещё не успел разрастись в плотную тень, а лишь создавал лёгкую кружевную завесу. Стол был накрыт просто: круассаны, масло, джем, стакан апельсинового сока. Аня старалась, чтобы всё выглядело как обычный рабочий завтрак, но в каждом предмете чувствовалось желание сделать этот момент чуть лучше, чуть уютнее.

Они сели друг напротив друга, и первые минуты говорили о самом безопасном — о статье, о терминах. Аня доставала блокнот, листала страницы, показывала заметки.

— Вот тут я написала про стоппи… Но мне кажется, я не до конца понимаю, как ты чувствуешь момент, когда нужно остановиться, чтобы не перевернуться. Это ведь вопрос доли секунды?

Глеб наклонился чуть вперёд, будто хотел передать не только слова, но и ощущение.

— Это не столько расчёт, сколько чувство. Ты не считаешь миллисекунды. Ты чувствуешь, как меняется баланс, как мотоцикл начинает «просить» вернуть его вниз. И ты возвращаешь. Если опоздать хоть на мгновение — всё, инерция сильнее тебя.

Аня кивала, записывала, но время от времени поднимала глаза не в блокнот, а на него — и в этих взглядах было не только любопытство журналиста, а что-то ещё: желание просто видеть, что он здесь, что он говорит с ней, не отвлекаясь ни на что другое.

Пока они разговаривали, Глеб то и дело поглядывал вокруг. На пустой двор, на дом, который казался слишком большим для одной девушки, на эту аккуратную, но одинокую беседку, будто специально спрятанную от чужих глаз. И постепенно он начал понимать: Аня позвала его не только ради статьи. Она позвала его, потому что утро в этом большом доме было слишком тихим. Потому что тишина, которую она так старательно прятала за словами о работе, всё равно просачивалась сквозь фразы.

— А родители твои… они сейчас дома? — осторожно спросил он, когда пауза между вопросами стала чуть длиннее обычного.

Аня на секунду замерла, будто решала, как ответить, чтобы не выдать, насколько этот вопрос задевает.

— Они в командировке. Мама уехала на репортаж за границу. Папа поехал с ней. Я уже привыкла.

Глеб нахмурился, не от осуждения, а от непонимания: как можно оставлять дочь одну в этом большом доме, будто она не человек, а просто пункт в списке дел.

— И ты… всегда так? Одна?

Аня пожала плечами, стараясь выглядеть непринуждённо.

— У меня есть Няня. Нина. Она живёт со мной, пока родителей нет. Готовит, проверяет, всё ли в порядке. Иногда мы просто пьём чай и говорим о чём-нибудь совсем неважном. Знаешь, о погоде, о том, что в магазине закончился мой любимый йогурт… Это тоже своего рода уют.

Глеб слушал и чувствовал, как внутри поднимается тихая волна сочувствия. Ему было странно и горько осознавать, что у Ани есть няня — не как у ребёнка, которому нужна забота, а как будто кто-то должен просто «присматривать», чтобы всё шло по расписанию. И в то же время он видел, как много значит для Ани эта Нина: не надзиратель, а тот самый человек, который делает дом домом.

— Наверное, с Ниной всё-таки не так одиноко, — тихо сказал он. — Это важно, когда есть кто-то рядом. Кто не спрашивает «как дела», а замечает, что йогурта нет.

Аня посмотрела на него с благодарностью — не за слова, а за то, что он понял без объяснений.

— Да, — прошептала она.

Они снова вернулись к разговору о трюках, но теперь в нём было меньше формальности и больше доверия. Глеб рассказывал про «вилли», про «фут драг» и «хэнд драг», объяснял, где прячется опасность и как её можно укротить тренировками, опытом, вниманием к каждой детали. Аня слушала, записывала, задавала вопросы, и с каждым ответом ей становилось легче. Не только потому, что статья складывалась, а потому, что рядом был человек, который не торопил её, не смотрел на часы, не думал о своих делах.

А Глеб, слушая её вопросы, всё больше понимал: Ане не нужна была лекция. Ей нужен был собеседник. Тот, кто не станет говорить «стань взрослой» или «ты справишься», а просто посидит рядом, пока солнце поднимается выше, пока круассаны становятся чуть менее хрустящими, а кофе — чуть менее горячим.

Когда время поджимало и Ане пора было собираться в школу, она закрыла блокнот и улыбнулась — на этот раз без усилий, искренне.

— Спасибо, что пришёл. Теперь я понимаю гораздо больше. И… спасибо, что не торопился.

Глеб улыбнулся в ответ, и в этой улыбке было столько тепла, что она на мгновение забыла про все свои тревоги.

— Всегда пожалуйста. Если ещё что-то нужно — скажи. Или даже если ничего не нужно. Просто… если утро снова будет слишком тихим, можно снова позвать на кофе.

Аня кивнула, чувствуя, как в груди разливается приятное, почти забытое чувство: она не одна. И это утро, такое простое и обычное, вдруг стало тем самым моментом, который хочется запомнить.

Они вышли из беседки, и солнце уже стояло высоко, заливая двор светом. Аня шла рядом с Глебом, и ей казалось, что даже шаги их звучат в унисон. А Глеб шёл и думал о том, как несправедливо, что такая светлая, внимательная, искренняя девушка так часто остаётся в этом большом доме одна. И о том, что он постарается делать так, чтобы эти одинокие дни случались как можно реже.

***

Глеб как раз отрабатывал связку: вилли, резкий переход в стоппи, короткий слайд — каждое движение он чеканил с холодной точностью, будто пытался заглушить голосом мотора всё то, что не хотел слышать. Пот стекал по вискам, асфальт пах горелой резиной, и в эти минуты мир сужался до линии трассы, до баланса, до ощущения, что он управляет хаосом.

И тут рядом возник Арсений. Он не кричал, не махал руками — просто встал так, чтобы перекрыть Глебу траекторию, и когда тот затормозил, снял шлем, брат выдохнул:

— Отец велел привезти тебя домой. Сегодня ужин. Итальянские гости, будущие партнёры. Он хочет показать семью: маму, нас с тобой. Говорит, это важно.

Глеб стиснул зубы. Он знал, что спорить бесполезно: если отец «велел», значит, это не просьба, а приказ. Но он поедет — не ради отца, не ради партнёров. Только ради мамы. Она не любила конфликтов, вздрагивала от любого резкого слова и потом долго ходила с виноватой улыбкой, будто это она виновата, что в доме стало шумно и тяжело.

Дом встретил их светом, запахами, сдержанной суетой прислуги. В столовой уже накрывали: хрусталь, серебро, белые скатерти, цветы. Мама двигалась между официантами, поправляя вазы, проверяя карточки рассадки. Она всегда знала, как сделать так, чтобы всё выглядело идеально. Глеб едва заметно поморщился: в этой идеальной картинке ему не было места.

Мама, увидев Глеба, улыбнулась так, что у него сжалось сердце.

— Ты приехал, — тихо сказала она, на секунду сжав его руку. — Спасибо.

Он кивнул, не доверяя голосу.

Ужин начался ровно, гладко, как по сценарию. Отец говорил об инвестициях, о новых проектах, о том, как важно, чтобы семья выглядела сплочённой. Итальянцы кивали, улыбались, пили вино. Глеб отвечал на вежливые вопросы, старался не смотреть на отца слишком прямо, потому что знал: стоит встретиться взглядом — и всё внутри вспыхнет.

А потом отец как бы между делом, легко, будто речь шла о чём-то незначительном, сказал:

— Глеб, конечно, скоро присоединится к нам в проекте. Мы уже обсуждали. Месяц на раздумья, но я уверен: он примет правильное решение.

Глеб замер с бокалом в руке. По его спине пробежал ледяной холод. «Правильное решение» означало одно: бросить стантрайдинг, забыть про тренировки, про соревнования, про то, что делало его собой. Отец уже всё решил. Он был уверен, что Глеб сдастся, что спорт — это этап, который нужно перерасти.

Слова застряли в горле, горькие и острые, готовые сорваться. Глеб чувствовал, как в груди поднимается волна ярости, и понимал: если сейчас скажет хоть слово, если позволит себе

вспыхнуть при гостях, мама будет страдать. Она будет пытаться сгладить углы, извиняться, прятать глаза, и эта тишина после скандала будет хуже крика.

Он резко встал.

— Простите, мне нужно в уборную.

Никто не успел ничего сказать. Он прошёл по коридору, плотно закрыл дверь, опёрся ладонями о раковину и несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь вернуть себе контроль. Не над мотоциклом — над собой.

Вскоре дверь приоткрылась, и вошёл Арсений.

— Глеб… — начал он, голос звучал виновато и встревоженно. — Ты не должен всё принимать так близко. Он просто… он привык всё решать.

Глеб поднял голову, посмотрел на брата. В его глазах не было злости к Арсению — только усталость.

— Он уже всё решил за меня. Даже не спросил. Как будто я не человек, а деталь в его бизнесе.

Арсений сжал кулаки, будто хотел ударить по стене, но сдержался.

— Я боюсь, что он тебя сломает. Что ты в конце концов согласишься. И я… я хочу ему помешать.

Глеб нахмурился.

— Как?

Арсений не ответил сразу. Он смотрел куда-то в сторону, будто сам боялся произнести то, что задумал.

— Есть видео. Кто-то снял, как ты чуть не сбил девушку в толпе. Оно гуляет по сети. Я… я отправлю его отцу. Пусть увидит, какой ты типа «неуправляемый». Пусть поймёт, что ты не подходишь для его идеального образа семьи. Пусть перестанет на тебя давить.

Глеб побледнел. Это было не просто плохо — это было катастрофично. Если видео попадёт в нужные руки, ему не видать чемпионата. Его карьера, к которой он шёл годами, может рухнуть из-за одного ролика, вырванного из контекста.

— Ты с ума сошёл? — прошептал он.

— Но это сработает, — упрямо сказал Арсений. — Отец не захочет рисковать репутацией. Он отступит.

— Не смей! — пригрозил Глеб, и не выдержав глупости брата, вернулся в гостиную.

Ужин продолжился, но теперь каждое слово звучало фальшиво. Глеб почти не ел, только кивал, когда к нему обращались, и считал минуты до конца вечера.

Когда гости наконец ушли, отец подозвал Глеба к себе в кабинет. Лицо его было жёстким, движения резкими.

— Я только что получил видео. — лицо Глеба мгновенно вытянулось. Он бросил взгляд на стоящего в углу Арсения, не веря в действительность. — Ты понимаешь, что это значит? Это удар по репутации всей семьи, по моему бизнесу. Никаких «месяцев на раздумья». Счета блокирую. Оставляю только крохи на мелкие расходы. Пусть это научит тебя думать, прежде чем рисковать.

Глеб стоял прямо, не моргая. Внутри всё горело, но он не позволил себе ни крика, ни упрёка. Он молча достал из кармана все свои карты, положил их на стол ровными стопочками.

— Не надо, — тихо сказал он. — Я не возьму ни копейки. Ни теперь, ни потом.

Отец хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он лишь холодно кивнул, давая понять, что разговор окончен.

Глеб развернулся и пошёл к выходу. В коридоре его догнал Арсений. Вид у него был потерянный, глаза расширились от ужаса, будто только сейчас он осознал, во что ввязался.

— Глеб, подожди… Я не думал, что он так резко отреагирует. Я не хотел, чтобы ты остался без денег. Я просто хотел…

— Ты хотел помочь, — глухо перебил Глеб. — Но ты ударил не по отцу. Ты ударил по мне. По всему, что для меня важно. Из-за этого видео меня могут дисквалифицировать. Это удар по всему, что я строю. Ты об этом подумал?

Арсений побледнел ещё сильнее.

— Я… я не знал, что всё будет так. Прости. — Глеб покачал головой. Ему не хотелось сейчас прощать. Ему хотелось просто уйти туда, где тихо, где можно снова почувствовать под собой мотоцикл и понять, что хоть что-то в этом мире зависит только от него. — Прости, — снова прошептал Арсений. — Я всё исправлю. Я найду способ убрать это видео.

Глеб остановился на мгновение, посмотрел на брата, и в его взгляде не было ненависти — только глубокая усталость.

— Просто… не делай ничего больше. Не пытайся «помочь». Договорились?

Арсений кивнул, сгорбившись, словно на его плечи легло что-то тяжёлое.

Глеб вышел в ночь. Воздух был прохладным, пах дождём и асфальтом. Он шёл прочь от дома, который когда-то казался родным, а теперь был полон чужих правил и чужих решений. И единственное, чего он хотел сейчас, — добраться до гаража, сесть на свой байк и поехать туда, где его никто не будет делить на «удобного сына» и «неудобного спортсмена». Туда, где он снова станет просто Глебом — тем, кто знает цену балансу и не готов его терять.

Глава 6 Тот, кто не сдаётся

Я сидела на задней парте, теребя край тетради, и ждала, когда Александр Алексеевич закончит разбирать с классом причины падения Римской республики. Мне казалось, что каждый мой вздох слышен на весь кабинет, а блокнот с набросками статьи будто светился у меня на коленях. Я хотела показать их А. А. не потому, что надеялась на похвалу, а потому, что он единственный в школе умел слушать так, будто твои слова — это не просто слова, а что-то важное.

Когда урок подошёл к концу, я подошла к его столу, стараясь не смотреть на шумную толпу у дверей.

— Александр Алексеевич, можно на минутку? Я тут кое-что написала… для школьной газеты. Хотела бы услышать ваше мнение.

Он снял очки, положил их на стопку тетрадей и улыбнулся той самой спокойной улыбкой, от которой сразу становилось чуть легче.

— Конечно, Ань. Давай посмотрим.

Я протянула ему блокнот, раскрытый на нужной странице, и замерла, будто от его реакции зависело всё. Он начал читать, медленно, внимательно, иногда чуть кивая, будто соглашался с моими мыслями ещё до того, как дочитывал фразу.

— Знаешь, — сказал он наконец, откладывая блокнот и глядя на меня так, что я почувствовала себя не просто ученицей, а кем-то, чьё мнение действительно имеет вес, — Это не просто «статья для газеты». Тут есть голос. Ты не пересказываешь факты — ты их чувствуешь. Особенно вот это: «Стантрайдинг — это не про то, как долго ты можешь стоять на грани, а про то, что на этой грани ты остаёшься собой». Очень сильно.

У меня внутри что-то вспыхнуло — не гордость, а скорее облегчение. Будто я наконец-то сказала вслух то, что долго крутилось в голове, и меня услышали.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя, как щёки предательски теплеют. — Я просто… хотела, чтобы это было честно.

— Именно это и ценно, — кивнул он. — Если хочешь, можем поработать над структурой. Или просто поболтать про эту тему — мне самому интересно.

Я уже хотела ответить, но тут в дверях раздался знакомый голос, от которого у меня всегда напрягались плечи.

— Ого, Ань, ты теперь про мотоциклы пишешь? — Паша стоял в проёме, прислонившись к косяку, будто он тут хозяин, а не ученик. Его голубые глаза блестели не от интереса, а от предвкушения какой-то игры, в которую меня опять пытались втянуть. — А я думал, ты только про музеи и старые картины любишь.

Александр Алексеевич чуть нахмурился, будто хотел осадить его, но Паша уже прошёл в класс, не дожидаясь разрешения.

— Слушай, — продолжал он, подходя ближе и усаживаясь на край соседней парты, — у меня брат этим стантрайдингом занимается. Я могу тебе столько всего рассказать — ты даже не представляешь. Могу даже фотки показать. Или видео.

Я сжала ручку чуть крепче, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Спасибо, Паш, но… мне не нужно. У меня уже есть человек, который всё объясняет.

Паша замер на секунду, и в его взгляде мелькнуло что-то острое — будто я не просто отказалась от его помощи, а ударила по самому больному.

— То есть ты с кем-то общаешься? С райдером? — спросил он, и в этом вопросе не было любопытства — была ревность, жёсткая и неуместная.

Я хотела отмахнуться, сказать что-нибудь нейтральное, но слова вырвались сами:

— Да. Есть один парень. Он… он всё показывает, объясняет. И делает это не ради того, чтобы произвести впечатление, а просто потому, что ему важно, чтобы я поняла.

Паша выпрямился, и вся его расслабленная поза исчезла, сменившись напряжённой энергией, от которой становилось неуютно.

— Понятно, — протянул он, и это «понятно» прозвучало как обещание. — Значит, есть кто-то. Ладно. Но знаешь, Аня, я ведь не из тех, кто сразу сдаётся. Если тебе нужны истории про стантрайдинг, я найду такие, каких твой райдер никогда не расскажет.

Александр Алексеевич наконец вмешался, и в его голосе появилась та самая интонация, которая в школе заставляла даже самых отъявленных хулиганов притихнуть.

— Павел, думаю, Ане сейчас не нужны чужие истории. Ей нужно время поработать над своей. И, возможно, немного тишины.

Паша на секунду задержал взгляд на мне, будто хотел что-то ещё добавить, но потом лишь пожал плечами, будто всё это для него — не больше чем забавная игра.

— Ладно, не кипятитесь. Просто хотел помочь.

Но я-то знала: это не «помощь». Это способ зацепиться, найти повод быть рядом, даже если я этого не хочу.

Когда он ушёл, хлопнув дверью так, что с полки чуть не упала стопка книг, я выдохнула, будто только сейчас смогла снова дышать.

— Не обращай внимания, Аня, — тихо сказал Александр Алексеевич, возвращая мне блокнот. — Он привык, что все девочки в школе на него смотрят. А когда кто-то не смотрит — это для него вызов.

Я кивнула, но внутри всё ещё дрожало.

— Просто… он не понимает слова «нет». Или делает вид, что не понимает.

— Тогда будем делать так, чтобы у него не было повода навязываться, — спокойно ответил А. А. — Ты работаешь над статьёй, мы её доведём до ума, и пусть она станет твоим щитом. Когда у человека есть дело, в которое он верит, чужие игры становятся не такими страшными.

Я снова посмотрела на свои записи. На слова, которые ещё вчера казались просто строчками, а сегодня — будто стали чем-то большим.

— Спасибо вам, — искренне сказала я. — Правда.

Он улыбнулся, надел очки и вернулся к своим бумагам, но перед этим добавил:

— И помни: ты не обязана никому ничего доказывать. И уж точно не обязана нравиться тем, кому твоя искренность — как кость в горле.

Я убрала блокнот в рюкзак, чувствуя, как внутри постепенно возвращается спокойствие. Да, Паша не отстанет просто так. Да, он будет искать новые поводы, новые способы привлечь моё внимание. Но сейчас у меня было что-то своё: статья, поддержка А. А. и Глеб, который объяснял мне стантрайдинг не ради эффекта, а ради того, чтобы я поняла. И этого было достаточно, чтобы не бояться ни его настойчивости, ни его обещаний «не сдаваться».

Я вышла из класса, чувствуя, что день, который начинался с тревоги, вдруг стал чуть светлее.

***

Летний вечер опускался на двор мягко, будто не хотел тревожить его покой. Солнце садилось, окрашивая светлые камни дорожки в тёплый медовый цвет, а в воздухе всё ещё держался запах нагретого за день камня, свежей листвы и чуть сладковатого аромата хризантем. Двор у семьи Марка и Влада будто специально был устроен так, чтобы в нём хотелось задержаться: аккуратная дорожка, клумбы, старая, выцветшая от солнца, но крепкая лавка у стены, столик с вазой, где каждый день появлялись свежие цветы. Здесь всё было про заботу — не про жалость, а про тихое, ежедневное «мы рядом».

Глеб и Марк вошли во двор, и почти сразу на крыльце показалась мама Марка и Влада. Она улыбнулась так, как улыбаются своим — без лишних слов, будто одной улыбкой снимала с них тяжесть дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.